Валерий Антонов

Понятое противоречие. Материалистическая диалектика в СССР как логическая форма

Назад в наше настоящее.

Валерий Антонов

Понятое противоречие. Материалистическая диалектика в СССР как логическая форма

«Автор»
2026

Антонов В.

Понятое противоречие. Материалистическая диалектика в СССР как логическая форма / В. Антонов — «Автор», 2026 — (Назад в наше настоящее.)

Книга реконструирует материалистическую диалектику в СССР не как историю дискуссий, а как движение проблемного поля. Вводится понятие узла — точки, в которой форма предмета полагает своё иное и через это полагание определяет себя. Разбираются шесть узлов: предмет, наследование, архитектоника, субъект и идеальное, институциональность, рецепция. Каждый проходит три конфигурации — спор (1920-е), канон (1938), развёртывание (1950–60-е) — и получает формулировку как воспроизводящееся противоречие, а не снятая определённость. Отдельный раздел проверяет модель на отношении к православию: оно выявляет границу модели — диалектика схватывает когнитивное внешнее (философия, наука), но не экзистенциальное (религия). Книга адресована философам, историкам мысли и всем, кто интересуется логикой советской философии.

© Антонов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 7
Раздел I. Предмет. 8
Глава 1. Тип как 8
Глава 2. Полагание различия. 11
2.1. Полагать — значит выводить из себя своё иное. 11
2.2. В-себе-бытие: определение как первое полагание границы. 12
2.3. Инобытие: расчленение и опосредствование. 13
2.4. Для-себя-бытие: снятие. 14
2.5. Аналитик как имманентная форма полагания. 15
2.6. Переход к главе 3. 16
Глава 3. Своё иное формы: содержание как снятое 17
3.1. Форма и содержание не как две вещи, а как два момента одного движения 17
3.2. Своё иное формы = она сама как ещё-не-форма 18
3.3. Триада снятия: отрицание — сохранение — возвышение 19
3.4. Что полагается, как «своё иное» на уровне типа 21
3.5. Переход к главе 4 22
Глава 4. Узлы предмета: первая конфигурация (спор, 1920-е) 23
4.1. Исходная неопределённость предмета: форма как задача 23
4.2. Позиция механистов: снятие формы в пользу содержания (абстрактное отрицание) 24
4.3. Деборинцы: удержание формы через её иное (конкретное отрицание) 25
4.4. Что полагается, как различие и что снимается 26
4.5. Аналитик как историческое целое философского производства 1920-х 27
4.6. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла предмета 28
4.7. Переход к главе 5 29
Глава 5. Узлы предмета: вторая конфигурация (канон, 1938) 30
5.1. Форма уже определена, но извне: абстрактное снятие 30
5.2. Нормативный текст как акт полагания границы 31
5.3. Состав действий: определение, расчленение, опосредствование, снятие 32
5.4. Что полагается, как различие: норма vs. отклонение 33
5.5. Что снимается? 34
5.6. Аналитик как институциональная форма фиксации 35
5.7. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла канона 36
5.8. Переход к главе 6 37
Глава 6. Узлы предмета: третья конфигурация (развёртывание, 1950–60-е) 38
6.1. Форма фиксирована, но пуста: напряжение между каноном и содержанием 38
6.2. Развёртывание канона изнутри: определение, расчленение, опосредствование, снятие 39
6.3. Что полагается, как различие: абстрактная формула vs. конкретное содержание 40

6.4. Что снимается? 41
6.5. Аналитик как историческое целое послесталинской философии 42
6.6. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла предмета 43
6.7. Переход к главе 7 44
Глава 7. Снятие конфигураций: окончательная формулировка предмета 45
7.1. Что значит «снять» три конфигурации: не сумма и не эклектика 45
7.2. Негативная проверка: что теряется при абсолютизации каждого момента 46
7.3. Противоречие между формой и содержанием как движущая сила 47
7.4. Полемическая оговорка: чем эта интерпретация отличается от существующих 48
7.5. Три конфигурации как моменты единого понятия 49
7.6. Окончательная формулировка 50
7.7. Проверка формулировки на полноту 51
7.8. Аналитик: граница поля, а не внешняя точка 52
Раздел II. Наследование. 53
8.1. Необходимость отношения: почему диалектика не может не определить себя через Гегеля 54
8.2. Двойственность наследия: единство ценного и подлежащего отбрасыванию 55
8.3. Направление снятия: переворот от идеализма к материализму 56
8.4. Воспроизводство противоречия: почему нет «окончательного» ответа о Гегеле 57
8.5. Не предопределённое: пространство возможных позиций 58
Глава 9. Первая конфигурация: спор (1920-е) 59
9.1. Исходная неопределённость: наследие как задача 59
9.2. Позиция деборинцев: максимальное удержание (конкретное отрицание) 60
9.3. Позиция механистов: минимальное удержание (абстрактное отрицание) 61
9.4. Что полагается, как различие и что снимается 62
9.5. Аналитик как историческое целое философского производства 1920-х 63
9.6. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла наследования 64
9.7. Переход к главе 10 65
Глава 10. Вторая конфигурация: канон (1938) 66
10.1. Фиксация отношения извне: форма определена, но абстрактно 66
10.2. Гегель как «предшественник», но не источник 67
10.3. Состав действий: определение, расчленение, опосредствование, снятие 68
10.4. Что полагается, как различие: ортодоксия vs. ревизия 69
10.5. Что снимается? 70
10.6. Аналитик как институциональная форма фиксации 71
10.7. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла наследования 72
10.8. Переход к главе 11 73
Глава 11. Третья конфигурация: развёртывание (1950–60-е) 74

11.1. Форма фиксирована, но пуста: напряжение между каноном и содержанием 74
11.2. Возвращение к Гегелю через логику «Капитала»: Ильенков 75
11.3. Диалектическая логика как удержание гегелевского наследия: Розенталь и Копнин 76
11.4. Что полагается, как различие: метод vs. система в их внутреннем единстве 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Понятое противоречие. Материалистическая диалектика в СССР как логическая форма

Введение

Настоящая работа строится на различении двух уровней анализа советской материалистической диалектики. Первый уровень — **историко-философская реконструкция**: описание того, что говорили и писали участники дискуссий, как складывались их позиции, какие институциональные и политические условия определяли их судьбу. Второй уровень — **логическая реконструкция**: выявление того, как само поле диалектики расчленяется на проблемные узлы, как каждый узел полагает своё иное и какие конфигурации он принимает в истории.

Предлагаемая работа принадлежит второму уровню. Её предмет — не содержание высказываний Деборина, Сталина или Ильенкова как таковых, а **форма движения проблемного поля**, которое эти высказывания артикулируют. Отсюда центральное понятие — **узел**: не «тема» и не «дискуссия», а точка, в которой форма предмета полагает своё иное и через это полагание определяет себя.

Метамодель, развёртываемая в работе, включает три уровня. **Тип** — это не классификационная рубрика, а конкретное всеобщее, полагающее различие внутри себя. **Полагание** — не акт субъекта, а имманентное движение содержания через определение, расчленение, опосредствование и снятие. **Конфигурация** — историческая форма, которую тип принимает в конкретных условиях, не исчерпывая себя в ней.

В сравнении с существующими подходами к истории советской философии метамодель занимает особое место. Исследования Института философии РАН и работы историков философии (например, о дискуссиях на кафедре логики МГУ) реконструируют **события** и **позиции**. Работы, посвящённые Ильенкову, реконструируют **его систему** — в частности, план-проспект 1957 года, где диалектическая логика выстраивается как система категорий от «взаимодействия» к «противоречию». Настоящая работа не конкурирует с ними, а делает иной срез: её интересует не то, что Ильенков думал о категориях, а то, **какую конфигурацию узла архитектоники** его проект артикулирует и как эта конфигурация снимается в общем движении поля.

Ключевое отличие от гегелевской «Науки логики» — материалистическое ограничение. Если у Гегеля полагание различия есть движение абсолютного духа, то здесь полагание осуществляется в **исторически конкретных условиях философского производства**, включая институциональное давление и политическую цензуру. Это не «примесь» внешнего к логике: сама форма узла в советском материале неотделима от способа своего существования.

Работа состоит из шести разделов, соответствующих шести типам узлов: предмет, наследование, архитектоника, субъект и идеальное, институциональность, рецепция. Внутри каждого раздела материал организуется по схеме: логика узла (что предопределено формой) — конфигурации (спор, канон, развёртывание) — снятие (что удерживается в едином понятии). Завершается работа окончательной формулировкой предмета материалистической диалектики в СССР как **воспроизводящегося противоречия**, а не снятой определённости.

Раздел I. Предмет.

Глава 1. Тип как конкретное всеобщее.

1.1. Что такое тип для диалектики: не классификация, а форма связи всеобщего и особенного

Обыденное понимание типа — классификационное. Тип здесь есть результат абстрагирования: мы отвлекаем от единичных случаев то общее, что им присуще, и получаем рубрику, под которую эти случаи подводятся. Такое понимание предполагает, что всеобщее существует **до** и **вне** особенного и единичного, как пустая форма, наполняемая материалом извне.

Диалектика отвергает это понимание не потому, что оно «неверно» эмпирически, а потому, что оно **не схватывает природу всеобщего**. В гегелевской традиции, материалистически переосмысленной, всеобщее есть не сумма сходных признаков, а **закон, связывающий многообразие в систему**. Абстрактно-общее («воля всех» у Руссо, «дерево Порфирия» в формальной логике) противостоит истинно всеобщему как **единству общего, особенного и единичного**. Абстрактное всеобщее бедно содержанием: чем шире его объём, тем пустее оно становится. Конкретное всеобщее, напротив, **богато определениями**, потому что содержит в себе различие как свой момент.

Маркс дал образец такого понимания в «Капитале». Товар — не абстрактное общее свойство всех товаров, а **«клеточка»**, простейшее отношение, которое воспроизводит в себе все противоречия капиталистической системы. Товарное отношение не «присуще» отдельным товарам как их сходство; оно есть **всеобщее условие**, которое полагает единичные товары как свои моменты. Ленин отмечал, что анализ товара вскрывает «зародыши всех противоречий современного общества». Это и есть конкретное всеобщее: не абстракция от многообразия, а **форма, которая порождает многообразие из себя**.

Отсюда определение типа для диалектики: **тип есть конкретное всеобщее, то есть такая форма связи, которая полагает своё различие внутри себя и через это полагание определяет себя**. Тип проблемного узла — не перечень того, что у узлов «общего», а закон, по которому узел порождает свои вариации. Тип «узла предмета» не описывает сходство спора механистов и деборинцев с дискуссией об идеальном; он задаёт **пространство возможных позиций**, в котором обе дискуссии оказываются конфигурациями одного движения.

1.2. Тождество через изменение: устойчивость типа через смену содержания

Если тип есть конкретное всеобщее, то его тождество не может быть тождеством абстрактной одинаковости. Тип сохраняется не потому, что остаётся **тем же самым** в разных конфигурациях, а потому, что он **воспроизводит себя через различие** конфигураций. Это диалектическое понимание тождества: **тождество, полагающее различие внутри себя**.

Рассмотрим это на узле предмета. В 1920-е узел существует как спор о том, имеет ли диалектика собственный предмет. В 1938-м — как каноническая фиксация этого предмета извне. В 1950–60-е — как развёртывание канона изнутри. Содержание узла меняется радикально: меняются позиции, аргументы, институциональные условия, даже терминология. Но **тип узла остаётся**: во всех трёх конфигурациях форма предмета полагает своё иное (науку, ревизию, конкретное содержание) и через это полагание определяет себя.

Устойчивость типа — не в сохранении содержания, а в **сохранении способа полагания различия**. Спор полагает различие как внешнее (форма и содержание противостоят друг другу). Канон полагает различие как внешнее определение (форма подавляет содержание).

Развёртывание полагает различие как внутреннее (форма наполняется содержанием). Способ меняется, но **необходимость полагания различия** остаётся. Тип есть эта необходимость, а не её конкретное наполнение.

Отсюда: тип не «применяется» к историческому материалу извне. Он **осуществляется** в материале и через материал. Историк философии, описывающий спор механистов и деборинцев, имеет дело с единичным событием. Диалектик, мыслящий этот спор как конфигурацию узла предмета, имеет дело с **всеобщим в единичном** — с тем способом, которым форма предмета полагает своё иное. Тип не отвлекается от события; он **раскрывается** в событии.

1.3. Тип как воспроизводящееся противоречие

Если тип полагает различие внутри себя и сохраняется через смену конфигураций, то он не может быть **снятой определённостью**. Он есть **воспроизводящееся противоречие**. Это ключевое положение, отличающее диалектическое понимание типа от любого классификационного.

Противоречие здесь не означает логическую ошибку или практическую неразрешимость. Оно означает, что тип **не может быть окончательно определён** без того, чтобы определить своё иное, но определение иного **переопределяет** тип. Узел предмета не может быть разрешён раз и навсегда, потому что каждый ответ на вопрос «что есть предмет диалектики» полагает новое иное (новую науку, новую философскую практику, новую институциональную реальность), которое требует нового полагания.

Это не недостаток теории, а **структура предмета**. В «Науке логики» Гегель описывает снятие (Aufheben) как единство трёх моментов: **отрицания** (преодоление предшествующей определённости), **сохранения** (удержание положительного содержания) и **возвышения** (переход на более высокий уровень). Если применить это к типу: тип отрицает свои конкретные конфигурации (они не исчерпывают его), сохраняет их как моменты своего определения (каждая конфигурация есть способ полагания различия) и возвышает их в единое понятие, которое **содержит противоречие как свою движущую силу**, а не как подлежащий устранению дефект.

Отсюда: тип проблемного узла есть не вопрос, на который можно ответить, а **форма, которая воспроизводится через свои конкретные конфигурации**. Спор, канон и развёртывание — не «этапы» на пути к окончательному ответу, а моменты единого движения, которое не имеет внешней цели «разрешения». Окончательная формулировка предмета (если она возможна) будет не снятой определённостью, а **понятым противоречием**.

1.4. Тип как историческая форма и как метод расчленения целого

До сих пор тип рассматривался со стороны его логической структуры. Но в материалистической диалектике логическое не отделено от исторического. Тип не витает в платоновском небе и не существует в чистом виде в голове аналитика. Он **историчен**: тип узла возникает, зреет и снимается в конкретных условиях философского производства.

Тип «узла канона» не существовал в античности в той же форме, что в СССР 1938 года. В античности философия не знала партийного текста, фиксирующего «правильное» учение извне. Канон возникает как историческая форма тогда, когда философское производство становится объектом институционального управления. Это значит, что тип — не вневременная матрица, а **форма связи, порождаемая историческим процессом** и обратно воздействующая на него.

Но историчность типа не означает его произвольности. Тип «узла наследования» (отношение к Гегелю) возникает не потому, что кто-то решил его помыслить, а потому, что материалистическая диалектика **конституируется через снятие** гегелевской. Необходимость отношения к Гегелю предопределена логикой предмета; конкретная форма этого отношения — исторична. Здесь действует различение, которое будет проходить через всю работу: **предопре-**

делённое (структурная необходимость узла) и **не предопределённое** (историческая конфигурация).

Наконец, тип есть **метод расчленения целого**, а не итоговая классификация. Установить типы узлов — не значит построить таблицу и остановиться. Это значит **воспроизвести в мысли логику, по которой поле диалектики само себя расчленяет** на проблемы. Тип — инструмент восхождения от абстрактного к конкретному, а не конечная абстракция. В этом смысле данная глава не «вводит классификацию», а **развёртывает метод**, который будет применяться во всех последующих разделах.

Переход к главе 2. Если тип есть конкретное всеобщее, полагающее различие внутри себя, то следующим вопросом должен быть вопрос о **составе этого полагания**. Что именно происходит, когда тип полагает своё различие? Какие логические операции конституируют это движение? Глава 2 разберёт полагание различия на уровне логики: определение, расчленение, опосредствование, снятие — и покажет, что за «аналитиком» этого полагания не стоит внешний субъект.

Глава 2. Полагание различия.

2.1. Полагать — значит выводить из себя своё иное.

Слово «полагать» в диалектической традиции не означает субъективного акта. Никто не «полагает» различие произвольно, по своему усмотрению. Полагание (Setzen) — это имманентное движение самого содержания, способ, которым всеобщее осуществляется как конкретное.

Гегель в «Науке логики» различает три рефлексивных акта, которые легко спутать, но которые обозначают разные моменты одного движения. Полагание (Setzen) — движение, в котором содержание определяет себя из себя. Внешнее полагание (Voraussetzen) — то, что кажется предпосланным извне, но при более глубоком рассмотрении оказывается моментом самого движения. Снятие (Aufheben) — удержание отрицаемого в преобразованном виде. Различие между ними не терминологическое: оно фиксирует, что полагание не имеет внешнего автора. Содержание не получает определение извне — оно определяет себя, и «внешнее» в этом движении оказывается его собственным моментом.

Пояснение. «Полагать» — не «устанавливать» и не «утверждать». Это движение, в котором содержание определяет себя из себя. Пример: спор механистов и деборинцев (глава 4) — не «спор», в котором две стороны «выбирают» позиции. Это полагание различия, в котором форма предмета определяет себя через отношение к науке: механисты полагают различие так, что форма теряется в содержании; деборинцы — так, что форма удерживает содержание. Никто из них не «придумывает» различие — они артикулируют то движение, которое порождается самим предметом.

Для материалистической диалектики это различение имеет решающее значение. Полагание не происходит в «чистом мышлении», оторванном от практики. Оно осуществляется в исторически конкретных условиях философского производства — в дискуссиях, текстах, институциях. Но это не делает полагание субъективным: философ не «придумывает» различие, а артикулирует то движение, которое порождается самим предметом. Аналитик — не автор полагания, а его орган.

Отсюда первый тезис главы: полагать различие — значит выводить из себя своё иное и удерживать его в единстве с собой. Это движение имеет три момента — в-себе-бытие, инобытие, для-себя-бытие — и осуществляется через четыре операции: определение, расчленение, опосредствование, снятие. Моменты и операции не суть два параллельных перечня. Это один акт, рассмотренный с двух сторон: моменты фиксируют, на какой стадии движения находится тип, операции — каким образом он проходит эту стадию. Поэтому дальше мы будем вести изложение сквозным движением, а не перечислять сначала моменты, потом операции.

Пояснение: абстрактное и конкретное всеобщее. Эти термины используются в главе 1 и далее. Абстрактное всеобщее — это всеобщее, которое существует до и вне особенного, как пустая форма, наполняемая материалом извне. Пример: «дерево Порфирия» в формальной логике — род, который существует отдельно от видов; «воля всех» у Руссо — общая воля, которая существует отдельно от отдельных воль. Конкретное всеобщее — это всеобщее, которое полагает своё различие внутри себя и через это полагание определяет себя. Пример: товар в «Капитале» — не абстрактное общее свойство всех товаров, а «клеточка», которая воспроизводит в себе все противоречия капиталистической системы. Различие между абстрактным и конкретным всеобщим — не количественное (одно «шире», другое «уже»), а структурное: абстрактное всеобщее бедно содержанием (чем шире объём, тем пустее оно), конкретное всеобщее богато определениями (потому что содержит различие как свой момент).

2.2. В-себе-бытие: определение как первое полагание границы.

Тип есть некая определённость, но ещё не развёрнутая. На уровне в-себе-бытия он выглядит как абстрактное общее — «то, что свойственно всем узлам данного рода». Это непосредственность: тип присутствует, но не обнаруживает себя в различии. В узле предмета это состояние соответствует исходной неопределённости 1920-х: диалектика есть, но её границы ещё не положены.

Пояснение. «В-себе-бытие» — не «скрытое существование» и не «потенция», которая потом развернётся. Это способ, которым тип присутствует, не обнаруживая себя в различии. Пример: в 1920-е годы диалектика есть — она преподаётся, о ней пишут, — но её границы ещё не положены: никто не знает, чем она отличается от науки, от формальной логики, от идеологии. Тип «узла предмета» присутствует, но не развёрнут — как товар в «Капитале» присутствует в каждом товаре, но не обнаруживает себя как «клеточка» системы, пока не будет проанализирован.

В-себе-бытие осуществляется через определение (Bestimmung). Тип полагает границу: что входит в его объём, а что — нет. Но граница здесь не внешняя, как у формальной классификации, а внутренняя: тип определяет себя через отрицание своего иного. В «Науке логики» определение есть акт, которым нечто полагается как определённое, то есть как не-иное. Определение — первое полагание различия: тип есть то, что он есть, лишь поскольку он не есть своё иное.

Пояснение. «Определение» — не «дефиниция» и не «ограничение извне». Это полагание границы через отрицание своего иного. Пример: в узле предмета в 1920-е годы диалектика определяет себя через отрицание науки — но не так, что «наука — это не диалектика», а так, что диалектика есть то, что она есть, лишь поскольку она не есть наука. Механисты полагают эту границу так, что она исчезает (диалектика есть только метод науки); деборинцы — так, что она удерживается (диалектика есть самостоятельная наука, которая содержит науку как свой момент). Определение — не «внешнее отграничение», а внутреннее полагание границы.

Граница, которую полагает определение, ещё не удерживается. В-себе-бытие есть непосредственность: тип обнаруживает своё иное, но не возвращается к себе через него. Поэтому определение — только первый шаг. Как только граница положена, тип обнаруживает себя в том, что лежит по ту сторону границы, — и это уже инобытие.

2.3. Инобытие: расчленение и опосредствование.

Тип полагает себя как своё иное: единичные, особенные случаи, которые выглядят внешними по отношению к типу. Это опосредствование через отрицание — тип обнаруживает себя в том, что ему противоположно. В узле предмета это соответствует спору механистов и деборинцев: каждая сторона полагает диалектику через отношение к науке, но сама диалектика ещё не возвращается к себе.

Пояснение. «Инобытие» — не «другое бытие» и не «внешняя среда». Это способ, которым тип обнаруживает себя в том, что ему противоположно. Пример: в споре механистов и деборинцев диалектика обнаруживает себя через отношение к науке: механисты полагают её как метод науки (диалектика растворяется в науке), деборинцы — как самостоятельную науку о всеобщих законах (диалектика удерживает науку как свой момент). Ни одна из сторон не «выходит за пределы» диалектики — обе полагают её через её иное. Инобытие — это не «потеря» типа, а способ, которым тип обнаруживает себя.

Инобытие проходит две операции, которые нельзя разделить, но можно различить. Первая — расчленение (Ur-teilung, суждение). Тип разделяется внутри себя: всеобщее — особенное — единичное. Это не деление объёма на виды, а саморасчленение содержания: тип полагает себя как особенное (конкретную конфигурацию) и как единичное (данный узел здесь и теперь). В «Науке логики» суждение есть первоначальное разделение понятия на свои моменты. Расчленение — форма, в которой тип полагает своё различие как своё. В узле предмета расчленение полагает уровни: диалектика как онтология — как гносеология — как логика.

Пояснение. «Расчленение» — не «деление объёма» и не «классификация». Это саморасчленение содержания на всеобщее, особенное и единичное. Пример: в узле предмета расчленение полагает уровни диалектики: как онтология (учение о всеобщих законах бытия), как гносеология (учение о методе), как логика (учение о категориях). Это не «три раздела» учебника, а три момента одного движения: каждая сторона выводится из единого принципа, а не перечисляется рядом. Расчленение — не «внешнее деление», а форма, в которой тип полагает своё различие как своё.

Но расчленение ещё не снимает внешности различия. Различённые моменты противостоят друг другу как особенные; тип ещё не вернулся к себе через них. Это происходит в опосредствовании (Vermittlung): единичный случай не просто «подводится» под тип, а переопределяет тип. Тип возвращается к себе через различие, обогащённый. Опосредствование есть снятие внешности различия.

Пояснение. «Опосредствование» — не «посредничество» и не «связь между двумя вещами». Это снятие внешности различия: тип возвращается к себе через своё иное, обогащённый. Пример — из другого узла, чтобы не повторять один и тот же материал: в узле архитектоники (глава 15) расчленение полагает категории как особенные (субординация и координация), но лишь опосредствование показывает, что субординация и координация не две внешние системы, а два момента одного движения — субординация задаёт движение, координация — сосуществование моментов. Тип возвращается к себе через различие между ними, обогащённый: система категорий не может быть ни чисто субординационной, ни чисто координационной.

Так инобытие подводит к границе для-себя-бытия, но ещё не переходит её. Расчленение и опосредствование удерживают различие как внешнее — пусть и всё более опосредствованное. Чтобы тип действительно содержал различие внутри себя, нужно снятие.

2.4. Для-себя-бытие: снятие.

Тип возвращается к себе из своего иного, но уже обогащённый: он содержит различие внутри себя как свой момент. Это снятая внешность: тип есть тождество тождества и различия. В узле предмета это соответствует послесталинскому развёртыванию: канон наполняется содержанием, и предмет диалектики определяется через снятие своего иного.

Пояснение. «Для-себя-бытие» — не «самосознание» и не «рефлексия». Это способ, которым тип возвращается к себе из своего иного, обогащённый содержанием. Пример: послесталинское развёртывание (глава 6) возвращает диалектику к себе из спора с наукой — но возвращает обогащённой: диалектика теперь содержит науку как свой момент (она определяет себя через отношение к логике «Капитала», к естествознанию, к истории философии). Это не «возврат к исходному состоянию» (1920-е), а возврат на новом уровне: тип содержит различие внутри себя как свой момент.

Снятие (Aufhebung) — не уничтожение и не отмена. Это единство трёх моментов: отрицания (преодоление предшествующей определённости), сохранения (удержание положительного содержания) и возвышения (переход на более высокий уровень). Различие не уничтожается, а удерживается в снятом виде: тип теперь содержит различие как свой момент. Абстрактное всеобщее становится конкретным.

Пояснение. «Снятие» — не «уничтожение» и не «отмена». Это одновременное отрицание, сохранение и возвышение. Пример — из узла наследования (глава 10), чтобы показать работу снятия на другом материале: канон 1938 года «снимает» спор 1920-х — он отрицает его как свободную дискуссию (спор прекращён), сохраняет его результат (диалектика есть самостоятельная наука о всеобщих законах — это было требованием деборинцев), но возвышает этот результат до нормы, фиксированной извне. Спор не «уничтожен» — он удержан в снятом виде: как момент, который больше не существует в своей прежней форме, но определяет форму канона. Если бы канон просто «отменил» спор, он потерял бы содержание (требование самостоятельности диалектики); если бы он просто «сохранил» спор, он не был бы каноном. Снятие — это единство отрицания и сохранения, в котором сохраняемое преобразовано.

Снятие замыкает движение, но не делает его окончательным. Три момента не являются последовательными шагами во времени: они суть логические моменты одного движения, которые в каждой конфигурации присутствуют одновременно, но с разной степенью развёрнутости. В каноне 1938 года для-себя-бытие типа достигается внешним образом (фиксацией извне), а не через имманентное движение; поэтому канон есть абстрактное для-себя-бытие, требующее дальнейшего развёртывания.

Пояснение: дурная бесконечность. Термин «дурная бесконечность» (schlechte Unendlichkeit) используется в работе несколько раз (главы 5, 10, 19, 28) и означает воспроизводство через отрицание без развития через него. Это не «бесконечность» в смысле «бесконечного ряда чисел» и не «бесконечность» в смысле «абсолютного духа». Это способ, которым форма укрепляется через постоянное отрицание отклонений, но не развивается через них. Пример: канон 1938 года воспроизводит себя через постоянное отрицание «ревизий» — каждая новая работа объявляется «ревизионистской», и канон укрепляется через это отрицание. Но канон не развивается через отрицание: он не удерживает отклонение как момент, а вытесняет его. Это и есть дурная бесконечность: форма воспроизводится, но не развивается; отрицание есть, но сохранения нет. В отличие от снятия, которое удерживает отрицаемое как момент, дурная бесконечность вытесняет его — и потому вынуждена отрицать снова и снова, без конца.

2.5. Аналитик как имманентная форма полагания.

Кто или что осуществляет полагание? В диалектике ответ не «субъект» в смысле индивидуального сознания. Аналитик — не тот, кто «применяет» тип к материалу. Аналитик — это имманентная логика самого предмета, которая воспроизводится в мышлении. Это положение развёртывается на трёх уровнях.

Аналитик как понятие. Это понятие, которое само себя расчленяет. Не человек анализирует тип, а тип анализирует себя через понятие. Мышление здесь — не внешний инструмент, а форма, в которой всеобщее полагает своё различие. В «Науке логики» понятие есть само себя движущее начало: оно не имеет внешнего двигателя, а развёртывает свои определения из себя. Аналитик — это понятие в его самодвижении.

Аналитик как историческая практика. В материалистической диалектике самодвижение понятия не витает в воздухе: оно осуществляется в реальной практике — в философском производстве, в институциях, в борьбе позиций. Аналитик — не отдельный философ, а историческое целое, которое через столкновение фигур производит расчленение поля. Фигуры (Деборин, Сталин, Ильенков) — не «примеры» типа, а органы, через которые тип полагает своё различие. Это положение отличает материалистическую диалектику от гегелевской: у Гегеля самодвижение понятия есть движение абсолютного духа; здесь оно есть движение исторического целого философского производства.

Аналитик как противоречие. Поскольку полагание различия есть движение через отрицание, аналитик не может быть нейтральным наблюдателем. Он сам есть момент полагаемого различия. Аналитик — это противоречие, воспроизводящееся в мысли: он полагает различие, но сам находится внутри полагаемого. Отсюда: аналитик — не «тот, кто снаружи», а форма, в которой целое возвращается к себе через своё иное. Это не недостаток позиции аналитика, а её структура: внешняя точка была бы возможна только для такого всеобщего, которое не полагает своё иное, то есть для абстрактного всеобщего. Конкретное всеобщее не имеет внешней точки.

Аналитик как граница поля. Из сказанного следует, что аналитик не может быть ни внешним наблюдателем, ни имманентным моментом. Внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное; имманентная точка не могла бы видеть поле как целое. Аналитик занимает границу поля — позицию, которая сама полагается полем как его предел, но не совпадает с ним. Граница — место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя.

Это не «компромисс» между внешним и внутренним, а структура позиции аналитика. Конкретное всеобщее не имеет внешней точки; но оно не имеет и «имманентной» точки, из которой можно было бы увидеть целое. Граница — единственная позиция, из которой целое видно как целое, поскольку она есть место полагания предела. Оценочные суждения аналитика суть не внешние оценки, а артикуляции предела: они показывают, что поле не может удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача.

Отсюда: «канон потерпел неудачу» означает не «канон плох», а «канон не смог удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача». «Деборинцы рискуют растворить материализм в гегельянстве» означает не «деборинцы плохи», а «деборинцы полагают различие так, что материализм рискует быть растворён, — и это риск необходим, поскольку он следует из абсолютизации удержания». Различие между оценкой и артикуляцией предела необходимо удерживать: оценка предполагает внешнюю точку, артикуляция предела — границу.

2.6. Переход к главе 3.

Мы выяснили, что полагание различия есть имманентное движение содержания, проходящее три момента и осуществляющееся через четыре операции. Но остаётся вопрос: что именно полагается, как различие? Что есть «своё иное» формы? Глава 3 разберёт отношение формы к содержанию и покажет, что своё иное формы — это она сама как ещё-не-форма.

Глава 3. Своё иное формы: содержание как снятое

3.1. Форма и содержание не как две вещи, а как два момента одного движения

В формальной логике форма и содержание мыслятся как две внешние стороны: форма — структура, содержание — материал, который в неё вкладывается. Здесь своё иное формы — просто другой объект, лежащий подле неё. Такое понимание предполагает, что форма может существовать без содержания (пустая форма) и содержание без формы (бесформенный материал).

Пояснение. «Форма» и «содержание» — не «коробка» и «то, что в неё кладут». Это **два момента одного движения**, в котором форма определяет себя через отношение к содержанию, а содержание есть форма в её инобытии. Пример: в узле предмета форма границы (что есть диалектика) и содержание (философские практики, научные теории, дискуссии) не противостоят друг другу как две внешние вещи. Форма границы **производит** своё содержание: эмпирическое многообразие философских практик становится «содержанием» лишь постольку, поскольку форма предмета полагает его как подлежащее снятию. До этого полагания материал есть лишь эмпирическое многообразие, не расчленённое формой.

Диалектика отвергает это различие как **абстрактное**. Форма и содержание не две вещи, а **два момента одного движения**. В «Науке логики» Гегель показывает, что форма есть **деятельность формообразования**: она не просто «находится» в содержании, а снимает его, то есть преобразует его из бесформенного в оформленное. Содержание, в свою очередь, есть **форма в её инобытии**: оно не противостоит форме, а есть сама форма, взятая как ещё не возвратившаяся к себе.

Это не означает, что форма и содержание тождественны без различения. Они **различны**, но различие это **внутреннее**: форма полагает содержание как своё иное, но полагает его **из себя**. Содержание есть то, что форма снимает, чтобы быть собой. Отсюда первое определение: **своё иное формы — это она сама как ещё-не-форма**.

Пояснение. «Внутреннее различие» — не «различие между двумя вещами, которые находятся рядом». Это **различие, которое форма полагает из себя**. Пример: в узле предмета форма границы полагает своё иное (науку) не так, что «наука» находится «рядом» с диалектикой, а так, что **диалектика определяет себя через отрицание науки**. Наука есть своё иное диалектики — то, что диалектика полагает как подлежащее снятию, чтобы быть собой. Различие между формой и содержанием — не внешнее (две вещи), а внутреннее (форма полагает содержание из себя).

3.2. Своё иное формы = она сама как ещё-не-форма

Ключевое положение главы: форма не имеет своего иного «рядом» с собой. Её иное — это **её собственное отрицание, положенное ею же**. Форма есть форма лишь постольку, поскольку она полагает своё иное и снимает его.

Развернём это на трёх уровнях.

Форма формы. Это её тождество с собой: форма есть форма. На этом уровне она выступает как определённость, как граница. Но эта граница ещё не положена — она есть **в-себе-бытие** формы.

Пояснение. «Форма формы» — не «форма, взятая отдельно от содержания». Это **тождество формы с собой**, которое ещё не положено как различие. Пример: в 1920-е годы диалектика есть (она преподаётся, о ней пишут), но её граница ещё не положена — никто не знает, чем она отличается от науки. Форма формы присутствует как задача, а не как результат. Это в-себе-бытие формы: она есть, но не обнаруживает себя в различии.

Иное формы. Это содержание: форма есть не-форма, материал. Но это иное **положено самой формой**: форма определяет, что для неё будет содержанием. Содержание не лежит готовым вне формы; оно **производится** актом определения. В узле предмета форма границы производит своё иное: эмпирическое многообразие философских практик становится «содержанием» лишь постольку, поскольку форма предмета полагает его как подлежащее снятию.

Пояснение. «Иное формы» — не «материал, который лежит вне формы и ждёт, когда его оформят». Это **содержание, которое форма производит актом определения**. Пример: в узле предмета форма границы (что есть диалектика) производит своё иное — эмпирическое многообразие философских практик (научные теории, дискуссии, институты). Это многообразие становится «содержанием» лишь постольку, поскольку форма предмета полагает его как подлежащее снятию. До этого полагания оно есть лишь эмпирическое многообразие, не расчленённое формой. Иное формы — не «внешний материал», а **произведённое формой содержание**.

Единство. Это форма, которая в своём ином остаётся у себя: **снятое содержание**. Форма возвращается к себе через своё иное, но возвращается обогащённой: она теперь **содержит** различие как свой момент. Это **для-себя-бытие** формы.

Пояснение. «Единство формы и содержания» — не «форма плюс содержание», а **форма, которая в своём ином остаётся у себя**. Пример: в послесталинском развёртывании (глава 6) диалектика возвращается к себе из своего иного — из дискуссий о логическом и историческом, об идеальном, о системе категорий. Она возвращается **обогащённой**: она теперь содержит эти дискуссии как свои моменты. Это не «форма, которая поглотила содержание», а **форма, которая в своём ином остаётся у себя**. Снятое содержание — не «уничтоженное содержание», а содержание, которое удерживается как момент формы.

Отсюда логическая формула: **своё иное формы = содержание = положенное формой отрицание = то, что форма снимает, чтобы быть собой**. Или короче: **своё иное формы — это она сама как ещё-не-форма**.

Пояснение. «Ещё-не-форма» — не «то, что ещё не стало формой, но станет». Это **содержание, взятое как момент формы, который ещё не возвратился к себе**. Пример: наука как своё иное диалектики есть «ещё-не-форма» — она есть содержание, которое диалектика полагает как подлежащее снятию. Когда диалектика снимает науку (удерживает её как свой момент), наука перестаёт быть «ещё-не-формой» и становится «снятым содержанием». Но пока она не снята, она есть «ещё-не-форма» — содержание, которое форма полагает, но ещё не удерживает как свой момент.

3.3. Триада снятия: отрицание — сохранение — возвышение

Снятие (Aufhebung) — не уничтожение и не простое отрицание. Это **единство трёх моментов**, которые Гегель фиксирует в «Науке логики»: отрицание, сохранение, возвышение. Применим эту триаду к отношению формы и содержания.

Отрицание. Форма отрицает содержание: она определяет его как неоформленное, как то, что подлежит преобразованию. Без этого отрицания форма не была бы формой — она растворилась бы в содержании. Механисты в узле предмета осуществляют именно это отрицание, но **абстрактно**: они отрицают форму как самостоятельную, растворяя её в содержании (в науке). Это отрицание без сохранения.

Пояснение. «Отрицание» — не «уничтожение содержания». Это **определение содержания как неоформленного, подлежащего преобразованию** . Пример: механисты (глава 4) отрицают форму как самостоятельную — они полагают, что диалектика есть только метод науки и не имеет собственного предмета. Это отрицание формы, но **абстрактное**: форма не удерживается как момент, а растворяется в содержании. Отрицание без сохранения — это не снятие, а **абстрактное отрицание**.

Сохранение. Форма сохраняет содержание: без него она пуста. Содержание не отбрасывается, а **удерживается** как момент формы. Деборинцы осуществляют это сохранение: они удерживают науку как момент диалектики, не растворяя в ней форму. Но сохранение без возвышения есть **абстрактное удержание**: содержание остаётся внешним по отношению к форме, а не становится её собственным моментом.

Пояснение. «Сохранение» — не «оставление содержания как есть». Это **удержание содержания как момента формы**. Пример: деборинцы (глава 4) сохраняют науку как момент диалектики — они не растворяют форму в содержании, а удерживают науку внутри диалектики. Но это сохранение **абстрактно**: содержание остаётся внешним по отношению к форме, а не становится её собственным моментом. Сохранение без возвышения — это не снятие, а **абстрактное удержание**.

Возвышение. Форма возвышает содержание: она снимает его внешность, делает его моментом целого. Содержание теперь не противостоит форме, а **содержится** в ней как снятое. Послесталинское развёртывание осуществляет это возвышение: канон наполняется содержанием, и предмет диалектики определяется через снятие своего иного.

Пояснение. «Возвышение» — не «поднятие на более высокий уровень» в смысле «иерархии». Это **снятие внешности содержания**, превращение его в момент целого. Пример: послесталинское развёртывание (глава 6) возвышает содержание — канон наполняется содержанием, и предмет диалектики определяется через снятие своего иного. Содержание теперь не противостоит форме (как в споре 1920-х), а **содержится** в ней как снятое. Возвышение — не «переход на другой уровень», а **снятие внешности**: содержание становится моментом формы.

Три момента не существуют порознь. **Снятие есть единство всех трёх**: отрицание, которое сохраняет, и сохранение, которое возвышает. Если один момент абсолютизируется, снятие становится абстрактным: механисты абсолютизируют отрицание, деборинцы — сохранение, канон — внешнее возвышение (фиксацию извне).

Пояснение. «Абсолютизация одного момента» — не «ошибка» и не «неправильная позиция». Это **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя. Пример: механисты абсолютизируют отрицание (форма растворяется в содержании), деборинцы — сохранение (содержание удерживается, но остаётся внешним), канон — внешнее возвышение

(содержание подавляется, а не удерживается). Каждая абсолютизация есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя. Снятие возможно только как единство всех трёх моментов; абсолютизация любого из них делает снятие абстрактным.

3.4. Что полагается, как «своё иное» на уровне типа

Теперь применим различение к типу. Если тип есть конкретное всеобщее, то его своё иное — это **эмпирическое многообразие**, которое ещё не расчленено типом. Но точнее: своё иное типа — это **материал, который тип ещё не определил, но который он уже полагает как подлежащий определению**.

Пояснение. «Своё иное типа» — не «внешний материал, который лежит вне типа и ждёт, когда его определят». Это **материал, который тип полагает как подлежащий определению**. Пример: в узле предмета тип «предмета» полагает своё иное как эмпирическое многообразие философских учений и научных практик, которое подлежит расчленению. Это многообразие не «предшествует» типу — оно **становится** содержанием типа лишь постольку, поскольку тип полагает его как своё иное. До этого полагания материал есть лишь эмпирическое многообразие, не расчленённое формой.

Это не «внешний» материал: тип сам производит его как своё иное через акт определения (Bestimmung). Определяя себя, тип определяет и своё иное. В узле предмета тип «предмета» полагает своё иное как **эмпирическое многообразие философских учений и научных практик**, которое подлежит расчленению. В узле наследования тип полагает своё иное как **гегелевское наследие**, подлежащее снятию. В узле архитектоники — как **многообразие категорий**, подлежащее субординации.

Пояснение. «Тип полагает своё иное» — не «тип создаёт материал из ничего». Это **материал становится содержанием типа лишь постольку, поскольку тип полагает его как своё иное**. Пример: в узле наследования тип «наследования» полагает своё иное как гегелевское наследие, подлежащее снятию. Гегелевское наследие существует и до этого полагания — но оно становится «содержанием» типа лишь постольку, поскольку тип наследования полагает его как подлежащее снятию. До этого полагания оно есть лишь историческое многообразие текстов, не расчленённое формой. Тип не «создаёт» материал, но он **производит** его как содержание.

Отсюда важное следствие: **своё иное типа не предшествует типу, а полагается им**. Это не означает, что тип «создаёт» материал из ничего. Это означает, что материал **становится** содержанием типа лишь постольку, поскольку тип полагает его как своё иное. До этого полагания материал есть лишь эмпирическое многообразие, не расчленённое формой. Полагание различия и есть **производство содержания** как содержания.

Пояснение. «Производство содержания» — не «создание материала». Это **становление материала содержанием через полагание различия**. Пример: в узле архитектоники тип «архитектоники» полагает своё иное как многообразие категорий, подлежащее субординации. Многообразие категорий существует и до этого полагания — но оно становится «содержанием» типа лишь постольку, поскольку тип архитектоники полагает его как подлежащее субординации. До этого полагания оно есть лишь эмпирическое многообразие категорий, не расчленённое формой. Полагание различия и есть производство содержания как содержания.

3.5. Переход к главе 4

Мы выяснили, что своё иное формы — это содержание как снятое, и что полагание различия есть производство содержания через определение, расчленение, опосредствование и снятие. Теперь можно перейти к **первой конфигурации узла предмета** — спору механистов и деборинцев (1920-е), — чтобы показать, как эта логика работает на конкретном материале. Глава 4 разберёт, как в этом споре форма предмета полагает своё иное (науку) и что при этом снимается.

Пояснение. Переход к главе 4 — не просто композиционный. Он следует логике узла: своё иное формы (содержание) есть то, что форма полагает как подлежащее снятию. В споре 1920-х форма предмета полагает своё иное (науку) как подлежащее снятию — и через это полагание определяет себя. Глава 4 покажет, как механисты и деборинцы полагают это различие по-своему: механисты — как внешнее (форма теряется в содержании), деборинцы — как внутреннее (форма удерживает содержание). Оба способа суть **пределы**, которые поле полагает и через это полагание определяет себя.

Глава 4. Узлы предмета: первая конфигурация (спор, 1920-е)

4.1. Исходная неопределённость предмета: форма как задача

После революции диалектика существует в состоянии **неопределённости предмета**. Она ещё не канонизирована (это произойдёт в 1938-м), ещё не стала учебной дисциплиной с фиксированной структурой. Есть общая ссылка на Маркса и Энгельса, но нет ответа на вопрос: **чем является диалектика как особая область?**

Это состояние соответствует первому моменту полагания — **в-себе-бытию типа**. Тип «узла предмета» есть, но он ещё не развернул своё различие. Форма границы присутствует как задача, а не как результат. В 1920-е годы философское поле структурировано борьбой двух группировок, каждая из которых претендует на «истинный марксизм»: «механистов» и «деборинцев» («диалектиков»). Вторая половина 20-х годов прошла в яростных дискуссиях между ними по общим вопросам философии.

Спор идёт не о деталях, а о **самом предмете**: имеет ли философия собственный предмет или её содержание исчерпывается выводами конкретных наук? Это и есть первая конфигурация узла предмета — форма границы ещё не положена, она **борется за себя** в столкновении позиций.

4.2. Позиция механистов: снятие формы в пользу содержания (абстрактное отрицание)

Механисты (И. И. Скворцов-Степанов, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, А. К. Тимирязев, В. Н. Сарабьянов, Я. Э. Стэн в ранний период) полагают своё иное так: **диалектика есть метод конкретных наук**, и её содержание целиком исчерпывается выводами естествознания. Философия не имеет собственного предмета — она «надстройка» над наукой, и её задача — обобщать научные результаты.

В документах того времени эта позиция фиксируется как «ревизионизм»: механисты «приравнивали философию к конечным выводам естественных наук» и «превращали диалектику в систему механистических взглядов». Они держались за классическую механику в физике и ламаркизм в биологии, считая квантовую механику, теорию относительности и генетику «буржуазными лженауками».

На уровне логики это означает: форма предмета **отрицает себя** как самостоятельную форму. Механисты полагают границу так, что граница исчезает: диалектика растворяется в своём ином (в науке). Это **абстрактное отрицание** — снятие без удержания. Форма не возвращается к себе, а теряет себя в содержании.

Логическая формула механистов: *своё иное (наука) поглощает форму (диалектику)*. Полагание различия здесь неполное: различие полагается, но не удерживается как момент формы.

Но это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Механисты полагают различие так, что форма теряется в содержании, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** их способа полагания. Если диалектика есть только метод конкретных наук, то она **не может** удержать себя как самостоятельную форму: её форма растворяется в содержании, которое она обобщает. Поле не может удержать форму и содержание в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытаются решить деборинцы (4.3), а затем канон (глава 5) и развёртывание (глава 6). «Абстрактное отрицание» механистов есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

4.3. Деборинцы: удержание формы через её иное (конкретное отрицание)

Деборинцы (А. М. Деборин, Г. К. Баммель, И. К. Луппол, Я. Э. Стэн) полагают своё иное иначе: **диалектика есть самостоятельная наука о всеобщих законах**, и её отношение к естествознанию — не растворение, а **опосредствование**. Философия опирается на науку, но не сводится к ней; она имеет собственный предмет — всеобщие законы развития, которые не выводимы из конкретных наук.

Деборин руководил кафедрой философии Института красной профессуры и сумел подобрать талантливых учеников, которые к второй половине 1920-х стали самостоятельными исследователями. Они активно защищали передовые направления в науке — квантовую механику, генетику — и ввели принцип: **следует различать саму научную теорию и философскую интерпретацию этой теории**. Научная теория не несёт ответственности за идеалистические или материалистические интерпретации; смешивать теорию и философскую оценку — ошибка.

На уровне логики: форма предмета **полагает своё иное (науку) как момент своего самоопределения**. Диалектика определяет себя через отрицание науки как своего иного, но удерживает это иное внутри себя: наука становится моментом диалектического самопознания. Это **конкретное отрицание** — снятие с удержанием.

Логическая формула деборинцев: *форма (диалектика) полагает своё иное (науку) и возвращается к себе через него*. Различие полагается и удерживается как момент формы.

Но и это — артикуляция предела, а не внешняя оценка. Деборинцы полагают различие так, что форма удерживает содержание, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** их способа полагания. Если диалектика есть самостоятельная наука о всеобщих законах, то она **должна** удержать науку как своё иное, иначе она потеряет содержание. Но это удержание **неполно**: деборинцы удерживают науку как момент, но не удерживают **материалистическое опосредствование** этого момента — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить послесталинская философия (глава 11). «Конкретное отрицание» деборинцев есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

4.4. Что полагается, как различие и что снимается

В этом споре полагается **различие между формой и содержанием диалектики** — но полагается оно **как спор о том, где проходит граница**. Конкретно:

Различие предметов. Имеет ли диалектика собственный предмет (всеобщие законы) или её предмет совпадает с предметом конкретных наук? Механисты полагают различие как **внешнее** (философия vs. наука как две внешние области), деборинцы — как **внутреннее** (философия содержит науку как свой момент).

Различие методов. Является ли диалектика методом, который применяется к материалу извне (механисты), или методом, который имманентен самому содержанию (деборинцы)?

Различие отношения к новому в науке. Механисты отвергают квантовую механику и генетику как «буржуазные»; деборинцы защищают их, различая теорию и интерпретацию. Это различие полагается, как **политическое**: кто «за» прогресс науки, а кто «против».

Что снимается? Снимается **непосредственность формы**: в споре форма предмета обнаруживает, что она не может быть просто «дана», а должна быть **положена** через отношение к своему иному. Но снятие здесь **неполное**: спор не разрешается имманентно, а прерывается внешней силой.

«Неполное снятие» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Спор полагает различие, но не удерживает его как момент: обе стороны (механисты и деборинцы) полагают различие так, что оно **не может быть удержано** в единстве. Механисты теряют форму в содержании; деборинцы удерживают форму, но без материалистического опосредствования. Поле не может удержать единство формы и содержания на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить канон (глава 5), а затем развёртывание (глава 6). «Неполное снятие» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

4.5. Аналитик как историческое целое философского производства 1920-х

Аналитик здесь — **не Деборин и не Скворцов-Степанов**, а **историческое целое философского производства 1920-х**, которое через столкновение позиций полагает границу предмета. Конкретно:

Аналитик как понятие. Понятие предмета расчленяет себя на «механистическую» и «диалектическую» позиции. Не философы «выбирают» позиции, а понятие **полагает себя** через их столкновение. Спор идёт внутри философского поля, но само поле структурировано этим противоречием.

Аналитик как историческая практика. Журнальные дискуссии, институциональные конфликты, борьба за кафедры и редакции. Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений (8–13 апреля 1929 г.) осудила механицизм как «наиболее активное философское ревизионистское направление». Это **институциональное полагание границы**: не имманентное разрешение спора, а **внешняя фиксация** результата.

Аналитик как противоречие. Форма предмета полагает своё иное, но сама находится внутри полагаемого. Спор механистов и деборинцев **воспроизводит** вопрос о предмете, а не снимает его. Более того, разгром деборинцев в 1930–1931 годах (постановление ЦК от 25 января 1931 г. «О журнале "Под знаменем марксизма"») показал, что **обе позиции** были сняты внешней силой, а не имманентным движением. Аналитик — это противоречие, движущее поле к следующей конфигурации: канонизации 1938 года.

Аналитик как граница поля. Оценочные суждения, которые встречаются в тексте («абстрактное отрицание», «неполное снятие»), суть не внешние оценки, а **артикуляции предела**: они показывают, что поле не может удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача. Аналитик занимает **границу** поля — позицию, которая сама полагается полем как его предел, но не совпадает с ним. Это не внешняя точка (внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное) и не имманентная точка (имманентная точка не могла бы видеть поле как целое). Граница — место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя.

4.6. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла предмета

Спор механистов и деборинцев показывает, что **узел предмета есть не вопрос, на который можно ответить, а форма, которая воспроизводится через свои конкретные конфигурации**. Механисты и деборинцы — не «правильная» и «неправильная» позиции, а **моменты полагания формы предмета**:

· механисты полагают различие как внешнее (форма теряется в содержании);

· деборинцы полагают различие как внутреннее (форма удерживает содержание);

· внешнее полагание (резолюция 1929 г., постановление 1931 г.) фиксирует результат спора извне, не разрешая его имманентно.

Все три — моменты одного движения: **самоопределения диалектики через отрицание своего иного**. Узел предмета не снят; он переконфигурирован. Спор 1920-х создал предпосылку для канона: показал, что форма предмета не может быть установлена через свободную дискуссию, и тем самым **подготовил необходимость внешней фиксации**.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Спор 1920-х есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя. Поле не может удержать единство формы и содержания через свободную дискуссию — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить канон (глава 5). «Спор создал предпосылку для канона» означает не «спор был неудачен», а «спор не смог удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача».

4.7. Переход к главе 5

Спор 1920-х завершился не имманентным разрешением, а внешним прерыванием. В 1938 году форма предмета фиксируется извне — текстом Сталина. Глава 5 разберёт вторую конфигурацию узла предмета (канон) и покажет, как здесь полагается различие: не через спор, а через **дисциплинирование**.

Но переход к главе 5 — не просто композиционный. Он следует логике узла: спор полагает различие как внешнее, но не удерживает его как момент; канон полагает различие как внешнее определение, но также не удерживает его. Оба момента — внешнее различие и внешнее определение — суть **пределы**, которые поле полагает и через это полагание определяет себя. Глава 5 покажет, как канон полагает своё иное (живое философское производство) как подлежащее подавлению, и почему это подавление **не может быть окончательным**.

Глава 5. Узлы предмета: вторая конфигурация (канон, 1938)

5.1. Форма уже определена, но извне: абстрактное снятие

К 1938 году спор механистов и деборинцев завершён. Форма предмета — диалектика как самостоятельная наука о всеобщих законах — **уже зафиксирована**, но не через имманентное движение содержания, а через внешнее определение: партийные резолюции конца 1920-х — начала 1930-х, разгром деборинцев, институциональное дисциплинирование. Это состояние соответствует **абстрактному снятию**: различие между формой и содержанием подавлено, а не удержано.

Узел канона возникает как **форма фиксации**: кто и как определяет, что есть правильная диалектика? Здесь форма предмета уже не спрашивает «чем является диалектика», а **утверждает** её определённость. Полагание различия смещается: теперь различается не «диалектика vs. не-диалектика», а **«правильная диалектика vs. неправильная»**.

Публикация работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме» в 1938 году стала моментом, когда это внешнее определение получило канонический текст. С этого момента, как отмечают исследователи, советская философия свелась к формалистическому и механистическому изложению жёстких «диалектических законов», понятых как мировоззрение, а не как критическая философия. Именно в этом контексте приходилось работать более творческим мыслителям.

«Абстрактное снятие» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что форма подавляет содержание, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне (через авторитет текста), то она **не может** удержать содержание как момент: содержание вытесняется за пределы формы, а не преобразуется в неё. Поле не может удержать форму и содержание в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить послесталинская философия (глава 6). «Абстрактное снятие» канона есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

5.2. Нормативный текст как акт полагания границы

Форма узла канона — это **нормативный текст**: фиксированное изложение диалектики, которое определяет, что считается правильным. Это не просто «учебник», а **акт полагания границы извне**.

Своё иное этой формы — **живое философское производство**: дискуссии, полемики, альтернативные интерпретации, историческое многообразие марксистской мысли (Плеханов, Деборин, «механисты», западные марксисты). Это многообразие ещё не расчленено каноном; оно лежит как материал, который должен быть определён.

Полагание различия здесь состоит в том, что **нормативный текст полагает это многообразие как своё иное** — как то, что подлежит либо включению в канон, либо исключению из него. Тем самым канон **производит различие** между «ортодоксией» и «ревизией», между «правильным» и «неправильным».

Структурно канон 1938 года заменил гегелевскую триаду законов на **четыре «главные черты» марксистского диалектического метода**: всеобщая связь явлений; движение и развитие; переход количественных изменений в качественные; борьба противоположностей. При этом закон отрицания отрицания был **изъят** из канонического изложения. Это изъятие не случайно: отрицание отрицания предполагает возвращение к себе через своё иное на более высоком уровне — то есть именно то имманентное движение, которое канон не может допустить, поскольку сам он фиксирует форму извне.

Изъятие закона отрицания отрицания — тоже артикуляция предела, а не внешняя оценка. Канон полагает различие так, что имманентное движение (возвращение к себе через своё иное) **не может быть допущено** — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то имманентное движение, которое предполагает возвращение к себе через своё иное, **подрывает** эту фиксацию. Поле не может удержать фиксацию и имманентное движение в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача: возвращение закона отрицания отрицания после смерти Сталина (глава 6) показывает, что канон не смог окончательно отбросить своё иное. Изъятие есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

5.3. Состав действий: определение, расчленение, опосредствование, снятие

Определение (Bestimmung). Канон полагает границу: что есть диалектический материализм и что им не является. Но граница здесь не выводится из движения содержания, а **устанавливается** через авторитет текста. Определение — это первое полагание: диалектика есть то, что сказано в каноне, и лишь постольку, поскольку это сказано. Четыре «черты» становятся определением предмета: всё, что не сводится к ним, выносится за границу.

Расчленение (Ur-teilung). Канон расчленяет себя: диалектический материализм (учение о всеобщих законах) — исторический материализм (учение об обществе) — конкретные науки (частные законы). Это не саморасчленение содержания, а **внешнее деление объёма**: канон распределяет области компетенции, но не выводит их из единого принципа. Четыре черты метода и три черты исторического материализма существуют рядом, а не развёртываются одна из другой.

Опосредствование (Vermittlung). Различие не остаётся внешним: канон **опосредствует** себя через своё иное. Философское производство не просто «внешний материал» — оно переопределяет канон: любая дискуссия вынуждена определять себя через отношение к канону (ортодоксия vs. ревизия), через отношение к партийности (философия как инструмент vs. философия как автономная область). Каждый раз канон возвращается к себе через своё иное, но **не обогащённый, а укреплённый**: иное снимается как отклонение.

Снятие (Aufhebung). Различие удерживается в снятом виде: канон теперь **содержит** своё иное как свой момент — но как момент **отрицательный**. Альтернативные интерпретации не снимаются в смысле «удерживаются в преобразованном виде», а **подавляются** как отклонения. Это **абстрактное снятие**: отрицание без удержания. Показательно, что даже «борьба противоположностей» — центральный принцип диалектики — в каноне модифицируется: Сталин вводит различение антагонистических и неантагонистических противоречий, чтобы избежать вывода о необходимости взрыва в социалистическом обществе. Противоречие здесь не движущая сила самодвижения, а то, что должно быть **управляемо** и **разрешено** извне.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что противоречие **не может быть движущей силой** — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то противоречие как самодвижение **подрывает** эту фиксацию: оно предполагает, что форма развивается через своё иное, а не подавляет его. Поле не может удержать фиксацию и самодвижение в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Управление противоречием» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

5.4. Что полагается, как различие: норма vs. отклонение

На уровне узла канона полагается **различие между нормой и отклонением**. Конкретно:

Различие ортодоксии и ревизии. Канон определяет, что есть правильная диалектика, и тем самым производит «неправильную» как своё иное. Ревизионизм — не внешний враг, а **положенное каноном иное**, которое канон отрицает. Механисты и деборинцы теперь оба оказываются «ревизионистами» — первый за растворение философии в науке, второй за гегельянство.

Различие уровней. Диалектический материализм (всеобщее) — исторический материализм (особенное) — конкретные науки (единичное). Это различие полагается, как **иерархия**, а не как саморасчленение содержания. Четыре черты метода применяются к истории, история применяется к конкретным наукам, но обратное движение — от содержания к форме — блокировано.

Различие истории. Канон полагает себя как **завершение** истории диалектики: всё предшествующее (Плеханов, Деборин, механисты) снимается как «недостаточное» или «ошибочное». История диалектики предстаёт как движение к канону. Изъятие закона отрицания отрицания из канона означает, что история мыслится не как возвращение к себе через своё иное, а как **линейное движение к фиксированной точке**.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что история **не может быть возвращением к себе через своё иное —** и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то история как возвращение к себе **подрывает** эту фиксацию: она предполагает, что форма развивается через своё иное, а не фиксируется раз и навсегда. Поле не может удержать фиксацию и историческое движение в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Линейное движение к канону» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

5.5. Что снимается?

Снимается **живое движение содержания**. Спор механистов и деборинцев, дискуссии 1920-х, альтернативные интерпретации — всё это снимается не через имманентное разрешение противоречия, а через **внешнее подавление**. Канон фиксирует форму, но **не удерживает** различие как момент формы. Различие подавлено, а не снято.

На уровне логики это означает: **форма канона полагает своё иное, но не возвращается к себе через него**. Она остаётся **абстрактной формой**, которая не содержит своего иного как момент, а лишь отрицает его извне. Это соответствует тому, что в диалектике называется **дурной бесконечностью**: канон воспроизводит себя через постоянное отрицание отклонений, но не развивается через них.

Показательно, что сам канон не был стабилен даже в своих основаниях: после смерти Сталина закон отрицания отрицания «вернулся» в советские философские книги, а три закона Энгельса заменили четыре черты Сталина в качестве предпочтительного формата изложения диалектики. Это подтверждает, что канон 1938 года был не снятой определённостью, а **внешней фиксацией**, которая не удерживала своё иное и потому не могла быть устойчивой изнутри.

«Дурная бесконечность» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что он **не может развиваться через своё иное** — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то развитие через своё иное **подрывает** эту фиксацию: оно предполагает, что форма изменяется через отрицание, а не укрепляется через него. Поле не может удержать фиксацию и развитие в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Дурная бесконечность» канона есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя. Возвращение закона отрицания отрицания после смерти Сталина — не «исправление ошибки», а **воспроизводство** того же противоречия: форма не может окончательно отбросить своё иное, потому что без него она пуста.

5.6. Аналитик как институциональная форма фиксации

Аналитик здесь — **не Сталин как автор текста**, а **институциональная форма фиксации**. Конкретно:

Аналитик как текст. Канон сам полагает себя как норму. Не философ «создаёт» канон, а канон **полагает себя** через текст. Автор — лишь орган этого полагания. Текст Сталина не был философским произведением в собственном смысле; он был **актом установления границы**, и его авторитет проистекал не из аргументации, а из институциональной позиции автора.

Аналитик как историческая практика. Партийные резолюции, редакционная политика, институциональное дисциплинирование. Аналитик — это **аппарат**, а не отдельный участник. После 1938 года философское производство в СССР было организовано вокруг задачи **комментирования и популяризации** канона, а не его развития.

Аналитик как противоречие. Канон полагает своё иное, но сам находится внутри полагаемого. Канон **воспроизводит** вопрос о правильной диалектике, а не снимает его: любая попытка выйти за канон (Ильенков в 1950-е, «оттепель») есть **ответ на канон**, а не его преодоление. Аналитик — это противоречие, движущее поле к следующей конфигурации: послесталинской философии.

Аналитик как граница поля. Оценочные суждения, которые встречаются в тексте («абстрактное снятие», «дурная бесконечность»), суть не внешние оценки, а **артикуляции предела**: они показывают, что канон не может удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача. Аналитик занимает **границу** поля — позицию, которая сама полагается полем как его предел, но не совпадает с ним. Это не внешняя точка (внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное) и не имманентная точка (имманентная точка не могла бы видеть поле как целое). Граница — место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя.

5.7. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла канона

Канон 1938 года показывает, что **узел канона есть форма фиксации, которая полагает своё иное как отклонение, но не удерживает его как момент**. Это **абстрактное снятие**: форма укрепляется через отрицание, но не развивается через него. Канон не снимает вопрос о предмете — он **переконфигурирует** его: теперь вопрос не «чем является диалектика», а «соответствует ли данная интерпретация канону».

Логическая формула узла канона:

Узел канона = форма фиксации, которая полагает своё иное (живое производство) как подлежащее подавлению, и через это подавление утверждает себя как норму.

Или короче: **узел канона есть самоутверждение формы через отрицание своего иного, но без возвращения к себе через него**.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что форма **не возвращается к себе через своё иное** — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то возвращение к себе через своё иное **подрывает** эту фиксацию: оно предполагает, что форма развивается через отрицание, а не укрепляется через него. Поле не может удержать фиксацию и возвращение к себе в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Самоутверждение формы через отрицание» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

5.8. Переход к главе 6

Канон 1938 года создаёт **новую конфигурацию поля**: теперь диалектика существует как фиксированная форма, и всякое движение мысли вынуждено определять себя через отношение к этой форме. Это порождает **узел предмета в новой конфигурации**: послесталинская философия (Ильенков, Копнин, Розенталь) вынуждена **заново полагать различие** между формой и содержанием — но уже внутри канона, а не в споре с ним. Глава 6 разберёт третью конфигурацию узла предмета (развёртывание, 1950–60-е).

Но переход к главе 6 — не просто композиционный. Он следует логике узла: канон полагает различие как внешнее определение, но не удерживает его как момент; развёртывание полагает различие как внутреннее, но также не удерживает его окончательно. Оба момента — внешнее определение и внутреннее опосредствование — суть **пределы**, которые поле полагает и через это полагание определяет себя. Глава 6 покажет, как развёртывание наполняет канон содержанием, и почему это наполнение **не может быть окончательным** — оно осуществляется внутри канона, а не за его пределами.

Глава 6. Узлы предмета: третья конфигурация (развёртывание, 1950–60-е)

6.1. Форма фиксирована, но пуста: напряжение между каноном и содержанием

После 1938 года канон задан, но он **абстрактен**: текст Сталина фиксирует формулу (диалектический материализм как учение о всеобщих законах), но не разворачивает её содержание. Канон определяет границу извне, но не выводит её из движения понятия. Возникает **напряжение**: форма есть, а содержания (имманентного движения) нет.

Это состояние соответствует **для-себя-бытию формы в её абстрактности**: форма возвращается к себе, но не через своё иное, а через внешнее утверждение. Узел предмета переконфигурируется: теперь вопрос не «чем является диалектика» (это уже решено каноном), а **«как развернуть канон изнутри»** — то есть как наполнить фиксированную форму имманентным содержанием.

После смерти Сталина ситуация меняется. Закон отрицания отрицания, изъятый из канона 1938 года, «возвращается» в советские философские книги; три закона Энгельса заменяют четыре «черты» Сталина в качестве предпочтительного формата изложения диалектики. Это не отмена канона, а его **переформатирование**: внешняя фиксация ослабевает, открывается пространство для имманентного развёртывания.

«Абстрактность канона» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что форма фиксируется извне, но содержание не разворачивается, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется через авторитет текста, то она **не может** развернуть своё содержание: развёртывание предполагает имманентное движение, которое канон не допускает. Поле не может удержать фиксацию и развёртывание в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить послесталинская философия. «Абстрактность канона» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

6.2. Развёртывание канона изнутри: определение, расчленение, опосредствование, снятие

Определение (Bestimmung). Форма полагает границу: что есть диалектика как наука о всеобщих законах. Но граница здесь **выводится изнутри**: не из авторитета текста, а из движения понятия. Определение — это первое полагание: диалектика есть то, что она есть, поскольку она **развёртывает себя** из всеобщего в особенное и единичное.

Расчленение (Ur-teilung). Форма расчленяет себя: диалектика как логика (учение о категориях) — диалектика как теория познания (учение о методе) — диалектика как онтология (учение о всеобщих законах бытия). Это **саморасчленение содержания**, а не внешнее деление объёма: каждая сторона выводится из единого принципа. В работах 1960-х годов вопрос о единстве диалектики, логики и теории познания подвергается гораздо более широкому обсуждению, чем в 1930-е.

Опосредствование (Vermittlung). Различие не остаётся внешним: форма **опосредствует** себя через своё иное. Конкретные дискуссии (об идеальном, о логическом и историческом) не просто «внешний материал» — они переопределяют форму: диалектика вынуждена определять себя через отношение к логике «Капитала», через отношение к естествознанию, через отношение к истории философии. Каждый раз форма возвращается к себе через своё иное, **обогащённая**.

Снятие (Aufhebung). Различие удерживается в снятом виде: форма теперь **содержит** своё иное как свой момент. Диалектика не «отбрасывает» конкретные дискуссии, а снимает их внешность: они становятся моментами диалектического самопознания. Предмет диалектики определён — но определён через **снятие своего иного**, а не через абстрактное отграничение.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Развёртывание полагает различие так, что форма наполняется содержанием, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма уже зафиксирована (каноном), то она **должна** наполниться содержанием, иначе она останется пустой. Но это наполнение **неполно**: оно осуществляется внутри канона, а не за его пределами. Поле не может удержать развёртывание и выход за рамки канона в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Конкретное снятие в абстрактных рамках» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

6.3. Что полагается, как различие: абстрактная формула vs. конкретное содержание

На уровне послесталинского узла предмета полагается **различие между абстрактной формулой и конкретным содержанием**. Конкретно:

Различие уровней. Диалектика как всеобщая теория (онтология) vs. диалектика как метод (гносеология) vs. диалектика как логика (методология науки). Это различие полагается, как **внутреннее**: каждая сторона содержит другие как свои моменты. Показательно, что в 1960-е годы советские логики рассмотрели проблему правильности и истинности логических суждений, показав неразрывную связь формы и содержания в логической структуре всякого знания.

Различие границ. Что входит в компетенцию диалектики (всеобщие законы) и что — в компетенцию конкретных наук (особенные законы). Это различие полагается, как **выводимое изнутри**: диалектика определяет себя через отрицание науки как своего иного, но удерживает это иное внутри себя. В центре внимания оказываются категории структуры и элементов, объекта и модели — проблемы, решаемые на основе обобщения данных психологии, кибернетики и других наук.

Различие исторических форм. Диалектика Гегеля (идеалистическая) vs. диалектика Маркса (материалистическая) vs. диалектика в СССР (каноническая). Это различие полагается, как **снятие**: каждая последующая форма удерживает предыдущую в преобразованном виде.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Развёртывание полагает различие так, что оно становится **внутренним** (каждая сторона содержит другие как моменты), — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма наполняется содержанием, то различие **не может** оставаться внешним: оно должно стать внутренним, иначе форма не будет содержать своё иное. Но это становление внутренним **неполно**: оно осуществляется в рамках, заданных каноном. Поле не может удержать внутреннее различие и выход за рамки канона в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Внутреннее различие» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

6.4. Что снимается?

Снимается **абстрактность канона**. Канон 1938 года фиксировал форму извне; послесталинская философия **развёртывает** эту форму изнутри. Снятие здесь **конкретное**: различие между формой и содержанием удерживается как момент формы, а не подавляется. Канон не отбрасывается — он **наполняется содержанием**.

На уровне логики это означает: **форма предмета полагает своё иное и возвращается к себе через него**. Это соответствует тому, что в диалектике называется **конкретным снятием**: отрицание с удержанием.

Но снятие остаётся **неполным**. Оно осуществляется внутри канона, а не за его пределами. Философы 1950–60-х годов не ставят под вопрос каноническую формулу; они работают с ней, разворачивая её содержание. Это развёртывание **имманентно**, но его границы заданы извне. Отсюда: послесталинская конфигурация есть **конкретное снятие в абстрактных рамках** — противоречие, которое не разрешается, а воспроизводится.

«Неполное снятие» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Развёртывание полагает различие так, что форма наполняется содержанием, но **не выходит за рамки канона**, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма уже зафиксирована каноном, то развёртывание **не может** выйти за её пределы: выход за пределы потребовал бы нового спора, который снова потребовал бы внешней фиксации. Поле не может удержать развёртывание и выход за рамки в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Конкретное снятие в абстрактных рамках» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

6.5. Аналитик как историческое целое послесталинской философии

Аналитик здесь — **не Ильенков и не Копнин**, а **историческое целое философского производства 1950–60-х**, которое через столкновение позиций развёртывает канон изнутри. Конкретно:

Аналитик как понятие. Понятие предмета расчленяет себя на «гносеологическую» и «онтологическую» позиции. Не философы «выбирают» позиции, а понятие **полагает себя** через их столкновение. Спор об идеальном (Ильенков vs. Дубровский) — не просто личная полемика, а конфигурация узла субъекта и идеального, которая будет разобрана в разделе IV.

Аналитик как историческая практика. Журнальные дискуссии («Вопросы философии»), институциональные конфликты, борьба за кафедры и редакции. Послесталинская либерализация открыла пространство для **полуавтономной** философской работы, но не отменила канон. Аналитик — это **поле**, а не отдельный участник.

Аналитик как противоречие. Форма предмета полагает своё иное, но сама находится внутри полагаемого. Развёртывание канона **воспроизводит** вопрос о предмете, а не снимает его. Каждая попытка определить предмет диалектики изнутри наталкивается на границу, заданную каноном извне. Аналитик — это противоречие, движущее поле к следующей конфигурации (постсоветской рецепции).

Аналитик как граница поля. Оценочные суждения, которые встречаются в тексте («конкретное снятие в абстрактных рамках», «неполное снятие»), суть не внешние оценки, а **артикуляции предела**: они показывают, что развёртывание не может выйти за рамки канона, и это удержание воспроизводится как задача. Аналитик занимает **границу** поля — позицию, которая сама полагается полем как его предел, но не совпадает с ним. Это не внешняя точка (внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное) и не имманентная точка (имманентная точка не могла бы видеть поле как целое). Граница — место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя.

6.6. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла предмета

Послесталинская конфигурация показывает, что **узел предмета есть не вопрос, на который можно ответить, а форма, которая воспроизводится через свои конкретные конфигурации**. Канон 1938 года фиксировал форму извне; послесталинская философия развернула её изнутри. Но **окончательного ответа нет**: каждая конфигурация полагает различие заново.

Логическая формула послесталинского узла предмета:

Узел предмета = форма канона, которая полагает своё иное (живое содержание) как подлежащее развёртыванию, и через это развёртывание определяет себя как конкретное всеобщее.

Или короче: **узел предмета есть саморазвёртывание канона через снятие его абстрактности**.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Развёртывание полагает различие так, что форма наполняется содержанием, но **не выходит за рамки канона**, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма уже зафиксирована каноном, то развёртывание **не может** окончательно снять абстрактность: снятие абстрактности потребовало бы выхода за рамки, который снова потребовал бы внешней фиксации. Поле не может удержать развёртывание и окончательное снятие абстрактности в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Саморазвёртывание канона» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

6.7. Переход к главе 7

Мы прошли три конфигурации узла предмета: спор (1920-е), канон (1938), развёртывание (1950–60-е). Каждая полагала различие по-своему: как внешнее, как внешнее определение, как внутреннее. Теперь необходимо **снять** все три конфигурации в единое понятие. Глава 7 даст окончательную формулировку предмета материалистической диалектики в СССР.

Но переход к главе 7 — не просто композиционный. Он следует логике узла: спор полагает различие как внешнее, канон — как внешнее определение, развёртывание — как внутреннее. Все три способа суть **пределы**, которые поле полагает и через это полагание определяет себя. Глава 7 покажет, как эти три способа удерживаются в едином понятии, и почему окончательная формулировка предмета **не может быть снятой определённостью** — она есть **понятое противоречие**.

Глава 7. Снятие конфигураций: окончательная формулировка предмета

7.1. Что значит «снять» три конфигурации: не сумма и не эклектика

Снятие (Aufhebung) — не сумма и не эклектика. Это удержание противоположностей в единстве более высокого порядка, где каждая сохраняется как момент, но преобразуется. Для предмета диалектики это означает: три конфигурации (спор, канон, развёртывание) не отбрасываются и не складываются, а сохраняются как моменты единого движения.

Но здесь необходимо сразу сделать оговорку, которая будет проходить через все главы-снятия этой работы. **«Понятое противоречие» — не описание противоречия.** Описание фиксирует, что X и Y противоположны, и останавливается. Понимание схватывает, **почему** X необходимо порождает Y, а Y — возвращает к X на новом уровне. Различие кажется тонким, но оно решающее: описание остаётся внешним по отношению к движению (даже если описывает его правильно), понимание есть само это движение, воспроизведённое в мысли. Формула «предмет есть воспроизводящееся противоречие между формой и содержанием» является **понятой**, а не **описанной** только в том случае, если она показывает необходимость перехода от одного момента к другому, а не просто констатирует их сосуществование.

Проверим это по трём моментам снятия.

Отрицание. Каждая конфигурация отрицает предыдущую: канон отрицает спор, развёртывание отрицает абстрактность канона. Это не внешнее отрицание, а имманентное: каждая конфигурация порождает следующую из своего противоречия. Спор не разрешается, а прерывается внешней силой; канон не развивается, а фиксируется извне; развёртывание не выходит за пределы канона, а наполняет его изнутри. Каждая конфигурация воспроизводит противоречие, которое движет полем.

Сохранение. Каждая конфигурация сохраняется как определённый способ полагания различия. Спор полагает различие как внешнее, канон — как внешнее определение, развёртывание — как внутреннее. Все три способа удерживаются в едином понятии.

Возвышение. Все три способа возводятся в единую форму, которая содержит их как свои моменты. Это и есть окончательное понятие предмета.

7.2. Негативная проверка: что теряется при абсолютизации каждого момента

Здесь мы вводим процедуру, которая будет применяться во всех главах-снятиях: **негативную проверку**. Если бы данный момент был абсолютизирован — что исчезло бы из понимания предмета? Это не риторический вопрос: он позволяет проверить, действительно ли каждый момент необходим, или его можно было бы заменить другим.

Абсолютизация спора. Если бы предмет диалектики исчерпывался спором (1920-е), исчезло бы понимание того, что форма предмета может быть **зафиксирована**. Спор предполагает, что граница предмета всегда проблематична, всегда оспаривается. Но тогда диалектика не могла бы существовать как учебная дисциплина, как канон, как то, что передаётся. Спор без канона — это вечная дискуссия, которая не производит определённости. Исчезло бы понимание **необходимости фиксации** — того, что форма предмета должна быть установлена, даже если установление внешнее.

Абсолютизация канона. Если бы предмет диалектики исчерпывался каноном (1938), исчезло бы понимание того, что форма предмета **не может быть окончательной**. Канон предполагает, что граница установлена раз и навсегда. Но тогда диалектика превратилась бы в набор формул, которые комментируются, а не развиваются. Канон без развёртывания — это дурная бесконечность внешнего определения. Исчезло бы понимание **необходимости имманентного движения** — того, что форма должна наполняться содержанием изнутри.

Абсолютизация развёртывания. Если бы предмет диалектики исчерпывался развёртыванием (1950–60-е), исчезло бы понимание того, что развёртывание **осуществляется в рамках, заданных извне**. Развёртывание предполагает, что форма уже зафиксирована (каноном) и её можно наполнять содержанием. Но тогда диалектика утратила бы понимание того, что сама фиксация — проблематична, что граница предмета может быть оспорена. Развёртывание без спора — это работа внутри заданных рамок, которая не ставит под вопрос сами рамки. Исчезло бы понимание **необходимости внешнего отталкивания** — того, что форма определяется через отрицание своего иного.

Негативная проверка показывает: каждый момент необходим, поскольку без него исчезает определённый аспект предмета. Но она показывает и другое: **абсолютизация любого момента разрушает предмет не меньше, чем его отсутствие**. Это и есть структура воспроизводящегося противоречия: не «X и Y сосуществуют», а «X необходимо порождает Y, а Y необходимо возвращает к X, и ни один не может быть устранён без разрушения целого».

7.3. Противоречие между формой и содержанием как движущая сила

Единое понятие предмета должно удержать противоречие между формой и содержанием, которое проходит через все три конфигурации:

В споре форма и содержание противопоставлены внешне: механисты растворяют форму в содержании, деборинцы удерживают форму через содержание. Противоречие не разрешено — оно воспроизводится как борьба позиций.

В каноне форма подавляет содержание: различие между формой и содержанием подавлено внешним определением. Противоречие не разрешено — оно скрыто.

В развёртывании форма наполняется содержанием: различие удерживается как момент формы. Противоречие не разрешено — оно опосредствовано.

Снятие состоит не в том, чтобы «разрешить» это противоречие (это невозможно), а в том, чтобы понять его как форму существования предмета. Предмет диалектики есть воспроизводящееся противоречие между формой и содержанием, а не его снятая определённость.

7.4. Полемическая оговорка: чем эта интерпретация отличается от существующих

Здесь необходимо кратко обозначить отличие предлагаемой интерпретации от наиболее влиятельных подходов к истории советской философии.

От историко-философской реконструкции (ИФ РАН, работы по кафедре логики МГУ). Эти исследования реконструируют события и позиции: кто что говорил, как складывались институциональные условия, какие политические решения определяли судьбу философов. Настоящая работа не конкурирует с ними, а делает иной срез: её интересует не содержание высказываний как таковых, а форма движения проблемного поля, которое эти высказывания артикулируют. Там, где историк видит смену позиций, диалектик видит смену способов полагания различия.

От интерпретации канона 1938 года как «догматизации» или «вульгаризации». Распространённая точка зрения (восходящая к работам о «деградации» советской философии) рассматривает канон как внешнее искажение диалектики. Предлагаемая интерпретация иная: канон есть **необходимый момент** движения предмета, а не случайная порча. Он не «искажает» диалектику — он полагает её форму извне, и это полагание предопределено логикой узла (форма должна быть зафиксирована, даже если фиксация внешняя). Оценка «догматизация» предполагает внешнюю точку зрения, которую сама диалектика отвергает.

От интерпретации изъятия закона отрицания отрицания как идеологического жеста. В литературе это изъятие часто объясняется политическими причинами (нежеланием Сталина допустить вывод о неизбежности «отрицания» социализма). Предлагаемая интерпретация дополняет это объяснение логическим: канон не мог допустить закон отрицания отрицания, поскольку этот закон предполагает имманентное возвращение к себе через своё иное — то есть именно то движение, которое канон фиксирует извне. Политическое объяснение и логическое не исключают друг друга: политическое решение было **формой**, в которой логическая необходимость канона осуществилась.

От интерпретации послесталинской философии как «оттепели» или «либерализации». Распространённая точка зрения рассматривает 1950–60-е как частичное освобождение от канона. Предлагаемая интерпретация иная: развёртывание осуществляется **внутри** канона, а не за его пределами. Ильенков, Розенталь, Копнин не ставят под вопрос каноническую формулу — они работают с ней, наполняя её содержанием. Это не «освобождение», а **конкретное снятие в абстрактных рамках** — противоречие, которое не разрешается, а воспроизводится.

7.5. Три конфигурации как моменты единого понятия

Спор (1920-е) — момент внешнего различия. Форма предмета полагает своё иное как внешнее (наука, другие философские системы). Различие между формой и содержанием выступает как борьба позиций. В едином понятии этот момент удерживается как необходимость внешнего отталкивания: диалектика определяет себя через отрицание своего иного, и это отрицание не может быть устранено. Спор завершился не имманентным разрешением, а внешним прерыванием: Вторая Всесоюзная конференция (апрель 1929 г.) осудила механицизм, постановление ЦК от 25 января 1931 г. сняло деборинцев. Это подтверждает: момент внешнего различия не снимается внутренним движением, а подавляется — и именно поэтому сохраняется как необходимый момент.

Канон (1938) — момент внешнего определения. Форма предмета полагает своё иное как подавленное (ревизия, отклонение). Различие между формой и содержанием выступает как норма vs. отклонение. В едином понятии этот момент удерживается как необходимость фиксации: диалектика не может существовать без определения своих границ, и это определение всегда включает момент внешнего авторитета. Изъятие закона отрицания отрицания и его возвращение в послесталинских учебниках показывает, что фиксация не может быть окончательной — она воспроизводится в новых формах.

Развёртывание (1950–60-е) — момент внутреннего опосредствования. Форма предмета полагает своё иное как подлежащее развёртыванию (дискуссии, конкретное содержание). Различие между формой и содержанием выступает как абстрактное vs. конкретное. В едином понятии этот момент удерживается как необходимость имманентного движения: диалектика определяет себя через развёртывание своего содержания изнутри. Расширение проблемного поля в 1960-е (категории структуры и элемента, объекта и модели, единство диалектики, логики и теории познания) показывает, что развёртывание реально, но ограничено рамками канона.

7.6. Окончательная формулировка

Предмет материалистической диалектики в СССР есть форма границы, которая полагает своё иное (эмпирическое многообразие философских и научных практик) как подлежащее снятию, и через это полагание определяет себя как всеобщее. Эта форма существует не как снятая определённость, а как воспроизводящееся противоречие между формой и содержанием, которое проходит три момента:

1. момент внешнего различия (спор) — форма полагает своё иное как внешнее и определяет себя через отталкивание от него;

2. момент внешнего определения (канон) — форма полагает своё иное как подавленное и определяет себя через фиксацию границы извне;

3. момент внутреннего опосредствования (развёртывание) — форма полагает своё иное как подлежащее развёртыванию и определяет себя через имманентное движение содержания.

Все три момента удерживаются в едином понятии: предмет диалектики есть не вопрос, на который можно ответить, а форма, которая воспроизводится через свои конкретные конфигурации. Окончательная определённость предмета недостижима не потому, что философия «не доделана», а потому, что предмет диалектики по своей природе есть воспроизводящееся противоречие.

Это и есть окончательная формулировка — в том смысле, в каком диалектика вообще может давать окончательные формулировки: не как снятую определённость, а как **понятое** (а не описанное) противоречие. Понятое — значит выведенное из необходимости перехода от одного момента к другому, а не просто констатирующее их сосуществование.

7.7. Проверка формулировки на полноту

Спор удержан как момент внешнего различия. **Канон** удержан как момент внешнего определения. **Развёртывание** удержано как момент внутреннего опосредствования. **Противоречие** между формой и содержанием удержано как движущая сила всех трёх моментов. **Окончательность** понята не как снятая определённость, а как понятое противоречие. Негативная проверка (7.2) показала, что абсолютизация любого момента разрушает предмет.

Формулировка полна: она содержит все три конфигурации как моменты единого понятия и удерживает противоречие, которое их движет. Но полнота здесь — не завершённость. Формулировка открыта для новых конфигураций: постсоветская рецепция, рецепция западного марксизма, новые научные практики (кибернетика, структурализм) полагают новые иные, которые потребуют нового полагания различия.

7.8. Аналитик: граница поля, а не внешняя точка

Аналитик — это само движение снятия, а не точка, из которой снятие наблюдается. Но здесь необходимо уточнение, которое в предыдущей версии работы оставалось неявным.

Аналитик как понятие. Понятие предмета содержит свои моменты как свои определения. Не философ «формулирует» предмет, а предмет формулирует себя через понятие. Окончательная формулировка не «создана» аналитиком; она выведена из движения самого предмета.

Аналитик как историческая практика. Историческое целое философского производства в СССР, которое через столкновение позиций, канонизацию и развёртывание производит расчленение поля. Аналитик — не отдельный участник (Деборин, Сталин, Ильенков), а поле, которое через них полагает своё различие.

Аналитик как противоречие. Аналитик сам есть момент полагаемого различия. Он не может быть внешним наблюдателем, потому что предмет диалектики включает его как свой момент. Окончательная формулировка не «снимает» противоречие, а выражает его.

Но здесь возникает вопрос, который нельзя обойти: если аналитик — момент поля, то как возможны оценочные суждения, которые в тексте встречаются (например, «канон потерпел неудачу»)? Ответ: аналитик занимает **границу** поля — позицию, которая сама полагается полем (как его предел), но не совпадает с ним. Это не внешняя точка (внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное), и не имманентная точка (имманентная точка не могла бы видеть поле как целое). Граница — это место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя. Оценочные суждения аналитика суть не внешние оценки, а **артикуляции предела**: «канон потерпел неудачу» означает не «канон плох», а «канон не смог удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача». Это различие между оценкой и артикуляцией предела необходимо удерживать.

Раздел II. Наследование.

Глава 8. Узел наследования: логика отношения к Гегелю

8.1. Необходимость отношения: почему диалектика не может не определить себя через Гегеля

Отношение к Гегелю — это **узел наследования** (генеалогический тип). Его форма: от кого ведёт происхождение диалектика и что из наследия допустимо. Логика этого узла предопределяет несколько вещей — независимо от того, кто и когда вступает в спор.

Первое и главное: **диалектика не может не определить своё отношение к Гегелю**. Это не выбор, а структурная необходимость. Материалистическая диалектика конституируется через снятие гегелевской: она возникает как «перевёрнутая» гегелевская диалектика, и без полагания этого иного она не может определить себя. Узел наследования неустраним.

Это положение подтверждается самим характером гегелевской диалектики. Гегель не просто описывал развитие через противоречия — он сделал **отрицание** движущим принципом логики. В «Науке логики» он различает **первое отрицание** (абстрактное, внешнее) и **второе отрицание**, или отрицание отрицания, которое есть «конкретная, абсолютная отрицательность» . Первое отрицание разрушает непосредственность; второе — возвращает к себе обогащённым, снимая различие. Именно эта структура — «отрицание отрицания» — стала для Маркса и Энгельса тем, что подлежит **материалистическому переворачиванию**: не движение абсолютного духа, а движение исторической практики.

Отсюда: узел наследования предопределён не потому, что «так решили» советские философы, а потому, что сама форма материалистической диалектики требует полагания своего иного — гегелевского идеализма — и снятия его.

8.2. Двойственность наследия: единство ценного и подлежащего отбрасыванию

Второе предопределённое: гегелевское наследие полагается, как **единство ценного и подлежащего отбрасыванию**. Это различение предопределено логикой снятия. Форма не может просто отбросить своё иное (тогда она теряет содержание) и не может просто принять его (тогда она теряет себя). Она должна **удержать и преобразовать**.

В гегелевской философии это различение имеет объективное основание. Гегель сам различал **рассудочные** (verstandesmässige) и **разумные** (vernünftigen) отрицания. Рассудочное отрицание останавливается на первом шаге: нечто отрицается, и на этом всё кончается. Разумное отрицание идёт дальше: оно удерживает отрицаемое в преобразованном виде. Марксистская диалектика, снимая Гегеля, воспроизводит именно это различение — но применяет его к самому Гегелю: его **метод** (разумное отрицание, диалектика) отделяется от его **системы** (идеалистическая фиксация результата).

Отсюда: отношение к Гегелю всегда будет двойственным. Это не эклектика («берём хорошее, отбрасываем плохое»), а **структура снятия**: форма удерживает содержание, преобразуя его.

8.3. Направление снятия: переворот от идеализма к материализму

Третье предопределённое: направление движения. Снятие идёт от идеализма к материализму: гегелевская диалектика **переворачивается**, а не просто заимствуется. Это предопределено материалистическим характером формы: содержание (диалектический метод) отделяется от формы (идеалистическая система) и полагается в новую форму (материалистическую).

Здесь важно уточнить, что именно «переворачивается». У Гегеля отрицание отрицания есть движение **понятия**, которое возвращается к себе из своего иного. У Маркса это же движение есть движение **исторической практики**: не дух возвращается к себе, а общество через отрицание своего наличного состояния порождает новое. Направление сохраняется (отрицание — снятие — возврат на новом уровне), но **носитель движения** меняется: не абсолютная идея, а материальное производство и классовая борьба.

8.4. Воспроизводство противоречия: почему нет «окончательного» ответа о Гегеле

Четвёртое предопределённое: поскольку снятие не может быть окончательным (форма всегда содержит своё иное как момент), отношение к Гегелю будет **воспроизводиться** в каждой конфигурации. Не существует «окончательного» ответа на вопрос о Гегеле — есть повторяющееся полагание различия между методом и системой.

Это положение подтверждается историей советской философии. В 1920-е деборинцы настаивали на максимальном удержании гегелевской логики; механисты склонялись к почти полному отбрасыванию. Канон 1938 года **изъял** закон отрицания отрицания из официального изложения диалектики — вероятно, именно потому, что этот закон предполагает возвращение к себе через своё иное, то есть то имманентное движение, которое канон не мог допустить. Но после смерти Сталина закон **вернулся** в советские учебники. Это возвращение не было «исправлением ошибки»: оно было **воспроизводством** того же противоречия — форма не может окончательно отбросить своё иное, потому что без него она пуста.

8.5. Не предопределённое: пространство возможных позиций

Логика узла задаёт пространство, но не заполняет его. Не предопределено:

Где проходит граница между методом и системой. Что именно из Гегеля считается «рациональным зерном», а что — «мистической оболочкой»? Это открыто для конфигурации. Деборинцы видели зерно в «Науке логики» и в учении о противоречии; механисты — почти ни в чём; послесталинская философия — в диалектической логике и методе «Капитала».

Кто уполномочен определять это отношение. В 1920-е это предмет дискуссии; в 1938-м — партийный текст; в 1950–60-е — профессиональное философское сообщество (с оговорками).

Степень радикальности снятия. Насколько далеко идёт «переворачивание»? Механисты склонны к почти полному отбрасыванию; деборинцы — к максимальному удержанию; канон — к фиксации «трёх законов» без глубокого разбора гегелевской логики.

Отношение к гегелевской системе в целом. Является ли система Гегеля (философия духа, философия истории, право) предметом снятия или только логика? Это открытый вопрос, который по-разному решается в разные периоды.

Переход к главе 9. Мы установили логику узла наследования: необходимость отношения, двойственность наследия, направление снятия, воспроизводство противоречия. Теперь можно перейти к **первой конфигурации** этого узла — спору 1920-х годов, — чтобы показать, как деборинцы и механисты полагали различие между методом и системой Гегеля. Глава 9 разберёт эту конфигурацию на конкретном материале.

Глава 9. Первая конфигурация: спор (1920-е)

9.1. Исходная неопределённость: наследие как задача

В 1920-е годы отношение к Гегелю ещё не зафиксировано. Ленинское «философское завещание» включало пункт о всесторонней разработке диалектики, «особенно диалектики Гегеля». Но что именно значит «разрабатывать диалектику Гегеля» — удерживать её логику или отбрасывать её как идеалистическую схоластику? Это и есть первая конфигурация узла наследования: форма отношения к наследию ещё не положена, она **борется за себя** в столкновении позиций.

Дискуссия разворачивалась вокруг нескольких проблем, среди которых центральное место занимал вопрос об отношении к гегелевской диалектике. Спор шёл не о деталях интерпретации, а о **самом принципе**: является ли гегелевская диалектика исходным материалом для материалистической диалектики или она несовместима с материализмом в принципе.

9.2. Позиция деборинцев: максимальное удержание (конкретное отрицание)

Деборинцы (А. М. Деборин, Г. К. Баммель, Н. Карев, И. К. Луппол, Я. Э. Стэн) утверждали необходимость **синтеза гегелевской диалектики и материализма Маркса**. Для них гегелевская диалектика является «исходным материалом» для марксовой материалистической диалектики. Школа Деборина настаивала: суть философии — в методе, который перерастает в теорию; материалистическая диалектика есть единственный метод частных наук.

На уровне логики это означает: форма отношения к наследию **полагает своё иное (Гегеля) как момент своего самоопределения**. Деборинцы не просто «заимствуют» у Гегеля — они удерживают его внутри материалистической диалектики как её необходимый источник. Это **конкретное отрицание**: снятие с удержанием. **Гегель не отбрасывается, а преобразуется: его идеалистическая форма снимается, но его диалектический метод сохраняется как содержание.**

Однако у этой позиции была своя уязвимость. Критики позже указывали, что деборинцы «слишком далеко зашли» в увлечении гегелевской диалектикой, что привело к «уклону к идеализму». Обвинение состояло в том, что деборинцы **не различали** диалектику Гегеля и диалектику Маркса достаточно строго, что их диалектика оказалась «формалистической, абстрактной», интересующейся «логикой», а не «диалектикой материальных процессов».

Но это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Деборинцы полагают различие между методом и системой так, что метод удерживается, а система снимается, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** их способа полагания. Если гегелевская диалектика удерживается **напрямую**, через «Науку логики», то идеалистическая система **не может** быть полностью отделена от метода: метод существует в системе, и удержание метода без системы **рискует** удержать и систему. Поле не может удержать метод и систему в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить послесталинская философия (глава 11), возвращаясь к Гегелю через логику «Капитала». «Риск растворить материализм в гегельянстве» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

9.3. Позиция механистов: минимальное удержание (абстрактное отрицание)

Механисты (А. К. Тимирязев, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, В. Н. Сарабьянов, И. И. Скворцов-Степанов) считали гегелевскую диалектику и материализм Маркса **несовместимыми и диаметрально противоположными**. Деборинцев они обвиняли в схоластике и отрыве от подлинных проблем развития материализма и его основы — естествознания.

На уровне логики это означает: форма отношения к наследию **отрицает своё иное как чуждое**. Механисты полагают различие между Гегелем и Марксом как **внешнее**: гегелевская диалектика есть идеалистическая мистика, которая должна быть отброшена целиком. Это **абстрактное отрицание**: снятие без удержания. Гегель не снимается, а **отвергается**.

Но и здесь была своя непоследовательность. Критики отмечали, что механисты, «вульгарно отрицая диалектику вообще», в то же время «целиком отождествляли диалектику Гегеля с диалектикой Маркса». Сарабьянов, например, утверждал, что объективный идеализм Гегеля есть «не что иное, как непоследовательный материализм»: стоит только выкинуть первое звено (идею), и останется «дополненный материализм». Это означало, что механисты, при всём своём отрицании, **принимали гегелевскую схему** в том виде, как она дана, — просто вычёркивая из неё идеалистическое начало. Эклектизм механистов достигал здесь крайних пределов.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Механисты полагают различие между Гегелем и Марксом так, что гегелевская диалектика отбрасывается целиком, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** их способа полагания. Если идеалистическая форма пронизывает всё содержание, то метод **не может** быть отделён от системы: отбрасывание системы означает отбрасывание и метода. Но тогда диалектика **теряет** логическое содержание — систему категорий, учение о противоречии, метод восхождения от абстрактного к конкретному. Поле не может удержать метод и систему в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Эклектизм механистов» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя: отбрасывая систему, они **сохраняют** её схему, просто вычёркивая идеалистическое начало.

9.4. Что полагается, как различие и что снимается

В этом споре полагается **различие между методом и системой** — но полагается оно **как спор о том, где проходит граница**. Конкретно:

Различие отношения к идеалистической форме. Для деборинцев идеалистическая форма Гегеля — это оболочка, которую можно снять, сохранив рациональное зерно. Для механистов идеалистическая форма настолько пронизывает всё содержание, что отделить метод от системы невозможно: отбрасывать нужно всё.

Различие источника диалектики. Деборинцы полагают источником диалектики историю философии, прежде всего «Науку логики» Гегеля. Механисты полагают источником диалектики естествознание: философия должна опираться на выводы частных наук, а не на гегелевские тексты.

Различие политической оценки. Спор всё больше политизировался. Принцип «философия — род политики» стал решающим; группа «молодых философов» (Митин, Рашкович, Юдин) перевела дискуссию с теоретических аргументов на политические. Деборинцы обвинялись в отрыве философии от политики, в «академичности», в равнодушии к антирелигиозной пропаганде.

Что снимается? Снимается **непосредственность отношения к наследию**: в споре обнаруживается, что отношение к Гегелю не может быть просто «дано», а должно быть **положено** через различение метода и системы. Но снятие здесь **неполное**: спор не разрешается имманентно, а прерывается внешней силой.

«Неполное снятие» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Спор полагает различие, но не удерживает его как момент: обе стороны (деборинцы и механисты) полагают различие так, что оно **не может быть удержано** в единстве. Деборинцы удерживают метод, но рискуют удержать и систему; механисты отбрасывают систему, но теряют и метод. Поле не может удержать метод и систему в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить канон (глава 10), а затем развёртывание (глава 11). «Неполное снятие» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

9.5. Аналитик как историческое целое философского производства 1920-х

Аналитик здесь — **не Деборин и не Аксельрод**, а **историческое целое философского производства 1920-х**, которое через столкновение позиций полагает границу между методом и системой. Конкретно:

Аналитик как понятие. Понятие отношения к наследию расчленяет себя на «удерживающую» (деборинцы) и «отбрасывающую» (механисты) позиции. Не философы «выбирают» позиции, а понятие **полагает себя** через их столкновение. Спор идёт внутри философского поля, но само поле структурировано этим противоречием.

Аналитик как историческая практика. Журнальные дискуссии, институциональные конфликты, борьба за кафедры и редакции. Итоги дискуссии с «оргвыводами» подвёл ЦК ВКП(б) в постановлении «О журнале "Под знаменем марксизма"» (25 января 1931 г.). Сначала были разгромлены «механисты», затем деборинцы как «меньшевиствующие идеалисты». Это **институциональное полагание границы**: не имманентное разрешение спора, а **внешняя фиксация** результата.

Аналитик как противоречие. Форма отношения к наследию полагает своё иное, но сама находится внутри полагаемого. Спор деборинцев и механистов **воспроизводит** вопрос о Гегеле, а не снимает его. Более того, разгром обеих сторон показал, что **обе позиции** были сняты внешней силой, а не имманентным движением. Аналитик — это противоречие, движущее поле к следующей конфигурации: канонизации 1938 года.

Аналитик как граница поля. Оценочные суждения, которые встречаются в тексте («риск растворить материализм в гегельянстве», «эклектизм механистов», «неполное снятие»), суть не внешние оценки, а **артикуляции предела**: они показывают, что поле не может удержать метод и систему в единстве, и это удержание воспроизводится как задача. Аналитик занимает **границу** поля — позицию, которая сама полагается полем как его предел, но не совпадает с ним. Это не внешняя точка (внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное) и не имманентная точка (имманентная точка не могла бы видеть поле как целое). Граница — место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя.

9.6. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла наследования

Спор 1920-х показывает, что **узел наследования есть не вопрос, на который можно ответить, а форма, которая воспроизводится через свои конкретные конфигурации**. Деборинцы и механисты — не «правильная» и «неправильная» позиции, а **моменты полагания формы отношения к наследию**:

· деборинцы полагают различие как внутреннее (форма удерживает содержание, метод отделяется от системы);

· механисты полагают различие как внешнее (форма отвергается целиком, метод и система неразделимы);

· внешнее полагание (постановление 1931 г.) фиксирует результат спора извне, не разрешая его имманентно.

Все три — моменты одного движения: **самоопределения диалектики через отрицание своего иного (Гегеля)**. Узел наследования не снят; он переконфигурирован. Спор 1920-х создал предпосылку для канона: показал, что отношение к Гегелю не может быть установлено через свободную дискуссию, и тем самым **подготовил необходимость внешней фиксации**.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Спор 1920-х есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя. Поле не может удержать метод и систему в единстве через свободную дискуссию — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить канон (глава 10). «Спор создал предпосылку для канона» означает не «спор был неудачен», а «спор не смог удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача».

9.7. Переход к главе 10

Спор 1920-х завершился не имманентным разрешением, а внешним прерыванием. В 1938 году отношение к Гегелю фиксируется извне — через канонический текст, из которого закон отрицания отрицания был изъят. Глава 10 разберёт вторую конфигурацию узла наследования (канон) и покажет, как здесь полагается различие: не через спор, а через **дисциплинирование**.

Но переход к главе 10 — не просто композиционный. Он следует логике узла: спор полагает различие как внешнее, но не удерживает его как момент; канон полагает различие как внешнее определение, но также не удерживает его. Оба момента — внешнее различие и внешнее определение — суть **пределы**, которые поле полагает и через это полагание определяет себя. Глава 10 покажет, как канон полагает своё иное (гегелевское наследие) как подлежащее сокращению, и почему это сокращение **не может быть окончательным**.

Глава 10. Вторая конфигурация: канон (1938)

10.1. Фиксация отношения извне: форма определена, но абстрактно

К 1938 году спор 1920-х завершён. Отношение к Гегелю **зафиксировано извне** — не через имманентное разрешение противоречия между деборинцами и механистами, а через партийные резолюции и канонический текст. Это состояние соответствует **абстрактному снятию**: различие между методом и системой подавлено, а не удержано.

Узел наследования переконфигурируется: теперь вопрос не «как относиться к Гегелю» (это уже решено), а **«как относиться к самому решению»**. Канон полагает границу: правильное отношение к Гегелю — то, которое зафиксировано в каноне. Всё иное — ревизия.

Здесь важно отметить структурную особенность канона 1938 года: в работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме» гегелевская триада законов была заменена **четырьмя «главными чертами» марксистского диалектического метода**, а закон отрицания отрицания — **изъят**. Это изъятие не случайно: отрицание отрицания предполагает возвращение к себе через своё иное на более высоком уровне, то есть именно то имманентное движение, которое канон не может допустить, поскольку сам он фиксирует форму извне.

«Абстрактное снятие» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие между методом и системой так, что оно подавляется внешним решением, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если отношение к Гегелю фиксируется через авторитет текста, то различие между методом и системой **не может** быть удержано как внутреннее движение: оно устанавливается извне, а не выводится из содержания. Поле не может удержать фиксацию и имманентное различение в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить послесталинская философия (глава 11). «Абстрактное снятие» канона есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

Изъятие закона отрицания отрицания — тоже артикуляция предела. Канон полагает различие так, что имманентное возвращение к себе через своё иное **не может быть допущено** — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то закон, который предполагает возвращение к себе через своё иное, **подрывает** эту фиксацию. Поле не может удержать фиксацию и имманентное движение в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача: возвращение закона отрицания отрицания после смерти Сталина (глава 11) показывает, что канон не смог окончательно отбросить своё иное. Изъятие есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

10.2. Гегель как «предшественник», но не источник

Канон переопределяет статус Гегеля. Если для деборинцев Гегель был **исходным материалом** для материалистической диалектики, то для канона он — **предшественник**, чьё учение «в целом» идеалистично и потому подлежит преодолению. Маркс и Энгельс «взяли» из Гегеля только «рациональное зерно» — учение о развитии через противоречия, — но само это зерно в каноне **сокращается** до «четырёх черт».

Показательно, что канон **не разворачивает** гегелевскую логику, а **заменяет** её схемой. Четыре черты метода — всеобщая связь, движение и развитие, переход количественных изменений в качественные, борьба противоположностей — не выводимы друг из друга. Они **перечислены**, а не развёрнуты. Это внешнее деление объёма, а не саморасчленение содержания.

Отсюда: канон полагает своё иное (гегелевское наследие) как **подлежащее сокращению**. Гегель не снимается в смысле «удерживается в преобразованном виде» — он **редуцируется** к набору формул. Это абстрактное отрицание: форма канона отвергает содержание гегелевской логики, сохраняя лишь внешнюю схему.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что гегелевское наследие **редуцируется** к схеме, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если отношение к Гегелю фиксируется через перечень «черт», то содержание гегелевской логики **не может** быть удержано: оно заменяется внешней схемой, которая не выводится из него. Поле не может удержать содержание и фиксацию в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Редукция к схеме» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

10.3. Состав действий: определение, расчленение, опосредствование, снятие

Определение (Bestimmung). Канон полагает границу: что есть правильное отношение к Гегелю и что им не является. Но граница здесь не выводится из движения содержания, а **устанавливается** через авторитет текста. Определение — это первое полагание: отношение к Гегелю есть то, что сказано в каноне, и лишь постольку, поскольку это сказано.

Расчленение (Ur-teilung). Канон расчленяет себя: диалектический метод (четыре черты) — исторический материализм (три черты) — конкретные науки. Это не саморасчленение содержания, а **внешнее деление объёма**: канон распределяет области компетенции, но не выводит их из единого принципа.

Опосредствование (Vermittlung). Различие не остаётся внешним: канон **опосредствует** себя через своё иное. Любая философская работа вынуждена определять себя через отношение к канону (ортодоксия vs. ревизия). Каждый раз канон возвращается к себе через своё иное, но **не обогащённый, а укреплённый**: иное снимается как отклонение.

Снятие (Aufhebung). Различие удерживается в снятом виде: канон теперь **содержит** своё иное как свой момент — но как момент **отрицательный**. Гегелевское наследие не снимается в смысле «удерживается в преобразованном виде», а **подавляется** как отклонение. Это **абстрактное снятие**: отрицание без удержания.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что иное **подавляется** как отклонение, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если отношение фиксируется через авторитет текста, то иное **не может** быть удержано как момент: оно может быть только отклонением, которое подавляется. Поле не может удержать фиксацию и удержание иного в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Отрицание без удержания» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

10.4. Что полагается, как различие: ортодоксия vs. ревизия

На уровне узла канона полагается **различие между ортодоксией и ревизией**. Конкретно:

Различие «рационального зерна» и «мистической оболочки». Канон фиксирует, что именно из Гегеля берётся (учение о противоречии как движущей силе) и что отбрасывается (идеалистическая система, закон отрицания отрицания). Это различие полагается, как **окончательное**: канон не допускает пересмотра границы.

Различие «предшественника» и «источника». Гегель — предшественник, но не источник. Источник — Маркс и Энгельс, а через них — материалистическая традиция. Канон полагает себя как **завершение** этой традиции: всё предшествующее (Плеханов, Деборин, механисты) снимается как «недостаточное» или «ошибочное».

Различие истории и логики. Канон полагает историю философии как **движение к канону**. История диалектики предстаёт как линейное движение к фиксированной точке. Изъятие закона отрицания отрицания означает, что история мыслится не как возвращение к себе через своё иное, а как **прогресс к истине**, которая уже достигнута.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что история **не может быть возвращением к себе через своё иное**, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если отношение фиксируется извне, то история как возвращение к себе **подрывает** эту фиксацию: она предполагает, что форма развивается через своё иное, а не фиксируется раз и навсегда. Поле не может удержать фиксацию и историческое движение в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Линейное движение к канону» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

10.5. Что снимается?

Снимается **живое движение содержания**. Спор деборинцев и механистов, дискуссии 1920-х, альтернативные интерпретации Гегеля — всё это снимается не через имманентное разрешение противоречия, а через **внешнее подавление**. Канон фиксирует форму, но **не удерживает** различие как момент формы. Различие подавлено, а не снято.

На уровне логики это означает: **форма канона полагает своё иное, но не возвращается к себе через него**. Она остаётся **абстрактной формой**, которая не содержит своего иного как момент, а лишь отрицает его извне. Это соответствует тому, что в диалектике называется **дурной бесконечностью**: канон воспроизводит себя через постоянное отрицание отклонений, но не развивается через них.

Показательно, что сам канон не был стабилен даже в своих основаниях: после смерти Сталина закон отрицания отрицания **вернулся** в советские философские книги, а три закона Энгельса заменили четыре черты Сталина в качестве предпочтительного формата изложения диалектики. Это подтверждает, что канон 1938 года был не снятой определённостью, а **внешней фиксацией**, которая не удерживала своё иное и потому не могла быть устойчивой изнутри.

«Дурная бесконечность» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что он **не может развиваться через своё иное**, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то развитие через своё иное **подрывает** эту фиксацию: оно предполагает, что форма изменяется через отрицание, а не укрепляется через него. Поле не может удержать фиксацию и развитие в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Дурная бесконечность» канона есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя. Возвращение закона отрицания отрицания после смерти Сталина — не «исправление ошибки», а **воспроизводство** того же противоречия: форма не может окончательно отбросить своё иное, потому что без него она пуста.

10.6. Аналитик как институциональная форма фиксации

Аналитик здесь — **не Сталин как автор текста**, а **институциональная форма фиксации**. Конкретно:

Аналитик как текст. Канон сам полагает себя как норму. Не философ «создаёт» канон, а канон **полагает себя** через текст. Автор — лишь орган этого полагания. Текст Сталина не был философским произведением в собственном смысле; он был **актом установления границы**, и его авторитет проистекал не из аргументации, а из институциональной позиции автора.

Аналитик как историческая практика. Партийные резолюции, редакционная политика, институциональное дисциплинирование. Аналитик — это **аппарат**, а не отдельный участник. После 1938 года философское производство в СССР было организовано вокруг задачи **комментирования и популяризации** канона, а не его развития.

Аналитик как противоречие. Канон полагает своё иное, но сам находится внутри полагаемого. Канон **воспроизводит** вопрос о правильном отношении к Гегелю, а не снимает его: любая попытка выйти за канон (Ильенков в 1950-е, «оттепель») есть **ответ на канон**, а не его преодоление. Аналитик — это противоречие, движущее поле к следующей конфигурации: послесталинской философии.

Аналитик как граница поля. Оценочные суждения, которые встречаются в тексте («абстрактное снятие», «редукция к схеме», «дурная бесконечность»), суть не внешние оценки, а **артикуляции предела**: они показывают, что канон не может удержать своё иное как момент, и это удержание воспроизводится как задача. Аналитик занимает **границу** поля — позицию, которая сама полагается полем как его предел, но не совпадает с ним. Это не внешняя точка (внешняя точка была бы возможна только для абстрактного всеобщего, не полагающего своё иное) и не имманентная точка (имманентная точка не могла бы видеть поле как целое). Граница — место, где поле полагает свой предел и через это полагание определяет себя.

10.7. Итог: что даёт этот эпизод для понимания узла наследования

Канон 1938 года показывает, что **узел наследования есть форма фиксации, которая полагает своё иное как отклонение, но не удерживает его как момент**. Это **абстрактное снятие**: форма укрепляется через отрицание, но не развивается через него. Канон не снимает вопрос о Гегеле — он **переконфигурирует** его: теперь вопрос не «как относиться к Гегелю», а «соответствует ли данное отношение канону».

Логическая формула узла наследования в каноне:

Узел наследования = форма фиксации, которая полагает своё иное (гегелевское наследие) как подлежащее сокращению, и через это сокращение утверждает себя как норму.

Или короче: **узел наследования в каноне есть самоутверждение формы через отрицание своего иного, но без возвращения к себе через него**.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие так, что форма **не возвращается к себе через своё иное**, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если форма фиксируется извне, то возвращение к себе через своё иное **подрывает** эту фиксацию: оно предполагает, что форма развивается через отрицание, а не укрепляется через него. Поле не может удержать фиксацию и возвращение к себе в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Самоутверждение формы через отрицание» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

10.8. Переход к главе 11

Канон 1938 года создаёт **новую конфигурацию поля**: теперь отношение к Гегелю фиксировано, но фиксация абстрактна. Послесталинская философия (Ильенков, Копнин, Розенталь) вынуждена **заново полагать различие** между методом и системой — но уже внутри канона, а не в споре с ним. Глава 11 разберёт третью конфигурацию узла наследования (развёртывание, 1950–60-е) и покажет, как возвращение к Гегелю через логику «Капитала» наполняет канон содержанием.

Но переход к главе 11 — не просто композиционный. Он следует логике узла: канон полагает различие как внешнее определение, но не удерживает его как момент; развёртывание полагает различие как внутреннее, но также не удерживает его окончательно. Оба момента — внешнее определение и внутреннее опосредствование — суть **пределы**, которые поле полагает и через это полагание определяет себя. Глава 11 покажет, как развёртывание наполняет канон содержанием, и почему это наполнение **не может быть окончательным** — оно осуществляется внутри канона, а не за его пределами.

Глава 11. Третья конфигурация: развёртывание (1950–60-е)

11.1. Форма фиксирована, но пуста: напряжение между каноном и содержанием

После 1938 года отношение к Гегелю **зафиксировано извне**: канон определил, что из гегелевского наследия допустимо (учение о противоречии как движущей силе), а что подлежит изъятию (закон отрицания отрицания, идеалистическая система). Но фиксация абстрактна: она определяет границу, не разворачивая содержания. Возникает напряжение: форма отношения к Гегелю есть, а имманентного движения внутри неё нет.

После смерти Сталина это напряжение становится продуктивным. Изъятый закон отрицания отрицания **возвращается** в советские философские книги, а три закона Энгельса заменяют четыре «черты» Сталина в качестве предпочтительного формата изложения диалектики. Это не отмена канона, а его **переформатирование**: внешняя фиксация ослабевает, открывается пространство для имманентного развёртывания отношения к Гегелю.

Это состояние соответствует **для-себя-бытию формы в её конкретности**: форма возвращается к себе не через внешнее утверждение, а через движение содержания. Узел наследования переконфигурируется: теперь вопрос не «соответствует ли данное отношение канону», а **«как развернуть каноническое отношение к Гегелю изнутри»** — то есть как вернуть гегелевской логике её содержательную функцию, не выходя за пределы материалистической формы.

«Абстрактность фиксации» — не внешняя оценка, а артикуляция предела. Канон полагает различие между методом и системой так, что оно фиксируется извне, но не разворачивается, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если отношение к Гегелю фиксируется через перечень «черт», то содержание гегелевской логики **не может** быть развёрнуто: развёртывание предполагает имманентное движение, которое канон не допускает. Поле не может удержать фиксацию и развёртывание в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача, которую попытается решить послесталинская философия. «Абстрактность фиксации» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

11.2. Возвращение к Гегелю через логику «Капитала»: Ильенков

Центральная фигура этой конфигурации — **Э. В. Ильенков**. В 1950-е годы он был одним из молодых учёных, чьи исследования способствовали оживлению советской философской культуры после Сталина. Его работа развивалась в двух основных направлениях, первое из которых — **диалектический метод Маркса**.

Ильенков не просто «возвращается к Гегелю» — он возвращается к нему **через Маркса**, точнее, через логику «Капитала». Гегелевская диалектика интересует его не как исторический памятник, а как **метод**, который Маркс материалистически переработал и применил в «Капитале». Это возвращение принципиально отличается от деборинского: деборинцы удерживали Гегеля **напрямую**, через «Науку логики»; Ильенков удерживает его **опосредствованно**, через Марксово применение.

На уровне логики это означает: форма отношения к наследию **полагает своё иное (Гегеля) как момент своего самоопределения**, но полагает его не в чистом виде, а **через материалистическое опосредствование**. Гегель снимается не потому, что его «переворачивают» извне, а потому, что его логика **осуществляется** в логике «Капитала». Это конкретное отрицание: снятие с удержанием, но удержание опосредствовано материалистическим содержанием.

Показательно, что отношение Ильенкова к Гегелю не было статичным. В ранних работах 1950-х годов его критические оценки гегелевской системы были «несколько предвзятыми»: как марксист, он не мог позволить себе не соглашаться с Марксом, Энгельсом и Лениным в оценках. Но по мере углубления в содержание системы «неадекватность его критических оценок слабела, а оригинальность его как мыслителя росла». Это движение — от внешней критики к имманентному удержанию — и есть логика развёртывания в действии.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Ильенков полагает различие между методом и системой так, что метод удерживается через материалистическое опосредствование, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если гегелевская логика удерживается **через Маркса**, то она **не может** быть удержана напрямую: она осуществляется в логике «Капитала», а не в «Науке логики». Поле не может удержать прямое и опосредствованное удержание в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача: возвращение к Гегелю через Маркса есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

11.3. Диалектическая логика как удержание гегелевского наследия: Розенталь и Копнин

Параллельно с Ильенковым развёртывание отношения к Гегелю осуществлялось через возвращение к **диалектической логике** как особой дисциплине.

М. М. Розенталь в «Принципах диалектической логики» (1960, 478 с.) ставит задачу вернуть диалектике статус логики, а не только онтологии или метода. Это движение внутри канона: форма (диалектика как учение о всеобщих законах) сохраняется, но наполняется содержанием, которое канон подавлял — логической структурой категорий.

П. В. Копнин в «Диалектике как логике» (1961, 448 с.) развивает эту же линию, акцентируя методологическую функцию диалектики. Его работа — попытка показать, что диалектика не просто «учение о законах», а **логика научного познания**, то есть форма, которая осуществляется в движении содержания.

На уровне логики это означает: форма отношения к наследию **опосредствует** себя через своё иное. Гегелевское наследие (логика как система категорий) не просто «удерживается» — оно **функционирует** как метод. Различие между методом и системой полагается не как внешняя граница («берём метод, отбрасываем систему»), а как **внутреннее движение**: система категорий Гегеля снимается в логике «Капитала», а логика «Капитала» становится методом познания.

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Розенталь и Копнин полагают различие так, что гегелевское наследие **функционирует** как метод, — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** их способа полагания. Если диалектика возвращается к статусу логики, то она **должна** удержать систему категорий как метод, иначе она останется только онтологией. Но это удержание **неполно**: оно осуществляется внутри канона, а не за его пределами. Поле не может удержать функционирование метода и выход за рамки канона в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Функционирование как метод» есть **предел**, который поле полагает и через это полагание определяет себя.

11.4. Что полагается, как различие: метод vs. система в их внутреннем единстве

На уровне послесталинского узла наследования полагается **различие между методом и системой** — но полагается оно иначе, чем в споре 1920-х. Если деборинцы и механисты спорили о том, **где проходит граница** между методом и системой, то послесталинская философия полагает это различие как **внутреннее**: метод и система не две внешние стороны, а два момента одного движения.

Различие «абстрактного» и «конкретного» Гегеля. Абстрактный Гегель — это «Наука логики» как система категорий, взятая в её идеалистической форме. Конкретный Гегель — это метод, осуществлённый в «Капитале». Различие полагается, как **снятие**: система снимается в методе, метод осуществляется в содержании.

Различие «предшественника» и «источника». В каноне Гегель — предшественник, но не источник. В развёртывании это различие **опосредствуется**: Гегель — источник **метода**, но не источник **содержания**. Содержание — материалистическая история, метод — гегелевская логика, снятая Марксом.

Различие истории и логики. Канон полагал историю как линейное движение к фиксированной точке. Развёртывание возвращает закон отрицания отрицания — а вместе с ним и понимание истории как **возвращения к себе через своё иное**. История философии предстаёт не как прогресс к канону, а как движение, в котором гегелевская логика снимается в марксовой, а марксова — в логике «Капитала».

Это не внешняя оценка, а артикуляция предела. Развёртывание полагает различие так, что оно становится **внутренним** (метод и система — два момента одного движения), — и это **не случайность**, а **необходимое следствие** его способа полагания. Если гегелевское наследие функционирует как метод, то различие между методом и системой **не может** оставаться внешним: оно должно стать внутренним, иначе метод не будет содержать систему. Но это становление внутренним **неполно**: оно осуществляется в рамках, заданных каноном. Поле не может удержать внутреннее различие и выход за рамки канона в единстве на этом пути — и это удержание воспроизводится как задача. «Внутреннее единство метода и системы» есть **предел**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.